

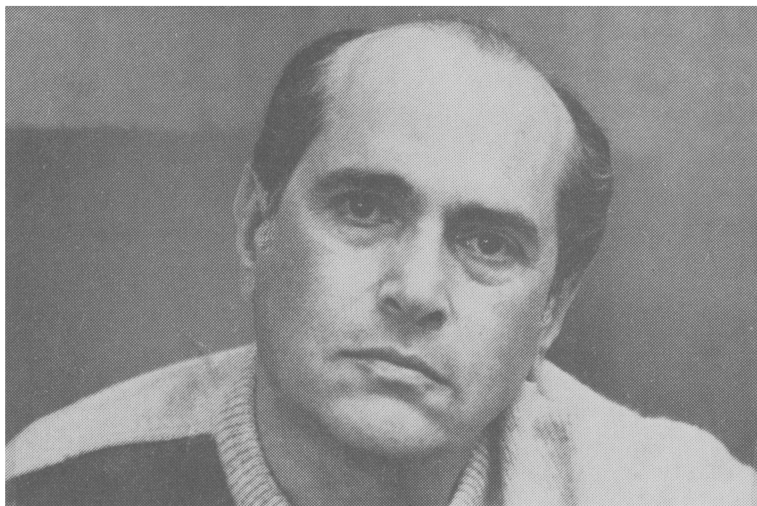
Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 2 1989

Валерий АГРАНОВСКИЙ

П Р О Ф Е С С И Я : И Н О С Т Р А Н Е Ц

М О С К В А ИЗДАТЕЛЬСТВО «П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

Валерий АГРАНОВСКИЙ

ПРОФЕССИЯ:
ИНОСТРАНЕЦ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Валерий АГРАНОВСКИЙ

Валерий Абрамович Аграновский родился в 1929 году в журналистской семье: его отец А. Д. Аграновский работал в ту пору в «Известиях», а затем до рокового 1937-го — в «Правде». После того, как родители были репрессированы, Валерий вместе со старшим братом Анатолием оказался в московском детприемнике в качестве «чэсэизра» (члена семьи изменника Родины). Родителям братьев Аграновских повезло: они были реабилитированы раньше других — в 1942 году.

Трудно быть сыном известного журналиста, но еще труднее одновременно быть и братом замечательного «писателя в газете», как называли Анатолия Аграновского, когда он по стопам отца пришел в «Известия».

Теперь за спиной у Валерия Аграновского тридцать пять лет работы в центральных газетах и журналах, 17 из которых — в «Комсомольской правде».

В 1965 году В. Аграновский стал членом Союза писателей СССР. Его перу принадлежат многие острые публицистические статьи и очерки, социально-педагогическая повесть «Остановите Малахова!», ставшая и пьесой, более десяти лет не сходявшей со сцены. Кроме того, В. Аграновский автор многих книг: «Нам — восемнадцать!», «Вечный вопрос», «Вы и ваши знакомые», «Взятие сто четвертого», «Лица», «Белая лилия», «Ради единого слова», «Кто ищет...» и др.

Ныне Валерий Аграновский — корреспондент журнала «Огонек».

ПРОФЕССИЯ: ИНОСТРАНЕЦ

МОНОЛОГИ

А В Т О Р:

П р е д ы с т о р и я. В самом конце шестидесятых годов я, молодой литератор, упражняющийся в сочинении детективов и уже напечатывавший к тому времени (правда, под псевдонимом и в соавторстве) несколько приключенческих повествований в центральных молодежных журналах, получил неожиданное предложение от соответствующего ведомства собрать материал для документальной повести о советском разведчике Г.-Т. Лонгсдейле.

Я знал понаслышке, что Лонгсдейл был крупным английским промышленником-миллионером, получившим от королевы Великобритании звание «сэра», что он был арестован в Англии, осужден, сидел какое-то количество лет, а потом обменян на коммерсанта Винна (или Девинна?), изобличенного в шпионской деятельности против СССР и приговоренного у нас к тюремному заключению.

Немного поразмыслив, я дал согласие, движимый более любопытством, нежели желанием писать о Г.-Т. Лонгсдейле. Откровенно признаться, к «шпионским» детективам я и до сих пор отношусь с предубеждением: меня шокирует то обстоятельство, что с их помощью молодому и неопытному читателю в сладостной облатке погонь, перестрелок и переодеваний может преподноситься горькая начинка в виде самых различных методов (надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю), вполне приемлемых для достижения целей не только в разведке, но, между прочим, в жизни вообще.

Однако я не жалею, что встретился с Лонгсдейлом. Замечу попутно, что на самом деле мой будущий герой не был ни «Г.-Т.», ни «Лонгсдейлом», а Константином Трофимовичем Перфильевым, под именем которого официально значился в архивах и делопроизводстве Центра. Впрочем, не был он и Перфильевым, а совсем Кононом Трофимовичем Молодым, сыном ученого и врача, родившимся в Москве и жившим в молодости в доме на Русаковской улице, что возле Сокольников, пря-

мо напротив кинотеатра «Шторм», ныне снесенного, но я не уверен, что и Молодой его настоящая фамилия...

Так или иначе, у меня было с Кононом Трофимовичем ровно одиннадцать встреч. Обставлялись они следующим образом. Заранее, примерно за неделю до каждой встречи, я составлял вопросник из пяти — семи пунктов, переправлял его в соответствующее ведомство, откуда мне сообщали, когда и в котором часу я должен подъехать к главному подъезду соответствующего здания на одной из центральных площадей столицы, а проще сказать — в КГБ.

Я подъезжал. Меня встречали и вели в просторную комнату на втором этаже, которую лучше бы назвать маленьким залом. Он был пустым, если не считать длинного полированного стола с пепельницами, стоящего посередине, и более десятка стульев с одной его стороны, предназначенных для моих собеседников, и одного стула по другую сторону — для меня.

Я садился и ждал. Минут через пять входил Лонгсдейл, которого сопровождали разного возраста люди, хорошо одетые и неизменно вежливые. Их возглавлял человек лет примерно сорока пяти с белым платочком, углом торчащим из нагрудного кармана отлично сшитого пиджака; впредь я буду называть его Ведущим. Все они по очереди здоровались со мной за руку и рассаживались на стулья, причем ни разу из одиннадцати встреч не получалось так, чтобы кто-то оставался без стула или какой-то стул без сидока, хотя количество мебели и людей всегда было разным. Мой будущий герой располагался ровно напротив меня, и после нескольких ни к чему не обязывающих фраз («Как вам погода, не промокли?» — «Благодарю, я в машине, но прекратятся когда-нибудь эти дожди?» — «Прямо лондонский климат, не находите?» — «Вам лучше знать, сэр!») мы приступали к делу.

Сначала мне было непонятно, зачем столько молчаливых свидетелей отрывают себя от забот и присутствуют часами при наших беседах. Их назначение я понял, когда они начали вдруг говорить. Однажды, отвечая на мой вопрос, Конон Трофимович помянул факт из своей биографии, связанный с пребыванием в американской школе разведки, расположенной на территории ФРГ. Тут человек с платочком, названный мною Ведущим, вежливо прервал его и обратился к одному из присутствующих: «Прошу вас, Владимир Платонович!» Тот начал: «Строго секретная американская школа разведки находится в тридцати семи километрах от Мюнхена, если ехать по автострате Мюнхен — Берлин. На тридцать седьмом километре надо свернуть направо на бетонку, и буквально через двести метров, в лесу, на берегу небольшого озера (восемьдесят на сто двадцать шагов), будет стоять трехэтажное здание красного кирпича типичной немецкой готики, с закругленными наверху окнами по всему фасаду. Перед входом в здание два дерева: дуб диаметром около метра и ольха, ветви которой достигают окон третьего этажа...» В другой раз Лонгсдейл говорил о том, как и когда он впервые оказался

в Канаде, в Торонто, и остановился в отеле недалеко от вокзала. Ведущий попросил: «Будьте любезны теперь вы, Борис Николаевич!», после чего «Борис Николаевич» стал рассказывать мне об отеле, в котором жил в Торонто Лонгсдейл: «Отель называется «Терминаль» и характерен тем, что вся обслуга его, кстати, сплошь состоящая из мужчин, носит особую униформу, специально пошитую для сотрудников «Терминаля». Лучшие номера — на шестнадцатом этаже двадцатизатяжного здания отеля: они совершенно изолированы от окружающего мира звуконепропускаемыми прокладками в стенах...» Почему эти данные, как и прочие, не мог изложить сам Конон Трофимович, я до сих пор не знаю и могу лишь предполагать: либо он никогда в «Терминале» не останавливался и в строго секретной американской разведшколе не был, но нужнo было, чтобы он там «был», по крайней мере в повести, которую я намеревался писать, либо Лонгсдейл побывал в действительности и там, и там, но почему-то ему хотелось из чужих уст слышать то, что впервые слушал я. Впрочем, я скоро привык к этим тайнам мадридского двора, больше не удивлялся и воспринимал все так, как оно и звучало.

Состав сопровождающих постоянно менялся. Уж и не помню, сколько прошло через меня Владимиров Платоновичей, Платонов Сергеевичей, Сергеев Владимировичей и т. д. Однажды я заикнулся о том, что было бы неплохо познакомить меня для общего колорита со знаменитым полковником А., примерно годом раньше Лонгсдейла обмененным на крупного американского разведчика П., тоже полковника. Мне сказали туманно: подумаем, но обещать не можем. Но в один прекрасный день вдруг предложили подготовить вопросы для полковника А., а затем дали знать, когда с ним состоится встреча. Я приехал в назначенное время, сел на свой стул, они, как обычно, вошли в обновленном составе, среди них был и Лонгсдейл, однако на сей раз его посадили не напротив меня, а сбоку, зато напротив сел пожилой человек с большой лысиной и седой оборочкой вокруг голого черепа, тот самый, который уже несколько раз был в свите Конона Трофимовича и под именем «Варлама Афанасьевича» рассказывал мне об улицах Нью-Йорка, его магазинах и еще о Колумбийском университете. Это и был, оказывается, легендарный полковник А. собственной персоной! Опять тайны мадридского двора, и вновь я мог только догадываться, зачем. Возможно, А. хотел ко мне приглядеться, прежде чем со мной говорить? Но что я за птица, чтобы готовиться к беседе со мной так тщательно и странно? Или они репетировали сцену, играть которую им надлежало в другом и более ответственном месте? Между прочим, когда полковник А. добрался в своем рассказе до лондонского пригорода, куда он приехал по заданию Центра из Нью-Йорка, чтобы тайно проникнуть на какой-то строго охраняемый военный объект, Ведущий, мягко прервав его, обратился к Лонгсдейлу: «Прошу вас, Конон Трофимович!», — и Лонгсдейл дал исчерпывающую справку относительно военного объекта, а также способов, с помощью которых можно было на него проникать.

Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?

Портрет. Ведущий попросил меня записей по ходу бесед с Лонгсдейлом не вести, а просто запоминать, что я и делал. Эти «монологи», таким образом, воспроизводятся мною по памяти и потому могут содержать неточности, особенно в названиях маленьких городов, улиц, имен и дат, возможно, как раз нуждающихся в том, чтобы я не ошибался. С другой стороны, в такой непривычной для литератора методике сбора материала было и свое преимущество, а именно: в моей памяти оседало самое важное, яркое и существенное, в то время как мелкая рыбешка уходила из сетей, но и жалеть о ней не следует, она действительно мелкая.

Даже внешний облик Лонгсдейла, не зарисованный мною с натуры в блокнот, нынче воспроизводится памятью, как если бы художнику-портретисту предложили воспользоваться строго ограниченным количеством мазков. Лонгсдейл был ниже среднего роста. Широкоплеч, крепко сбит. Черный. Скуластый, глаза немного раскосые: по предкам Конона Молодая, несомненно, пронеслась лет шестьсот назад татаро-монгольская орда. Взгляд острый, ироничный, живой. Впрочем, в случае нужды Лонгсдейл умел надевать на лицо по классическому восточному образцу маску непроницаемости, и тогда к нему вполне подходило расхожее выражение, часто применяемое авторами детективов: «Ни один мускул не дрогнул на его лице». Сказать, что в толпе Лонгсдейл незаметен, что мы привыкли полагать чуть ли не главным качеством настоящего разведчика, я не могу: смотря в какой толпе! Среди казанских татар, возможно, он и растворился бы, но в обществе респектабельных английских бизнесменов — как говорят в таких случаях: извините! — я бы выделил именно его.

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Бы т. Лично я в первые часы после прибытия за границу предпочитаю спать. Помню, в Торонто я автобусом доехал до аэровокзала, который расположен в центре города, и при нем — гостиница «Терминаль». Иду с небольшим чемоданчиком типа «дипломат», навстречу конный полицейский: синие лампасы, краги, каска с полями, и вдруг останавливается, слезает на землю (два метра ростом, не меньше!), у меня сразу копчик заболел: знал бы он, кто я! А он в мою сторону даже не посмотрел. Я заказал в гостинице номер, зная, что ни документов у меня не попросят, ни вообще никаких вопросов не зададут. Номер взял с ванной, чтобы и туалет был: если потребуется что-то уничтожить, сжечь, например, можно спустить с водой, это вам не вечно забытый мусоропровод в коридоре, для прошиба которого следует запастись специальной «гармошкой». Вошел в номер, повернул на дверях табличку: «Про-

шу не беспокоить!» — и уверен: трое суток никто не войдет, даже если меня пришибут в этом номерочке. И сразу, не мешкая, ложусь спать. Сон, как у космонавта. А просыпаюсь — и тут же встаю, это у меня еще с армии, фронта. Подниматься, когда бы ни лег, я умею по «биологическому будильнику» и еще по тому, который у меня в ручных часах: поет, словно сверчок, сразу Подмосковьем начинает пахнуть.

Р а б о т а. Резидент, которого еще называют «шефом», если вербует агента, по-нашему «помощника», делает вид, что вовсе его не вербует, а просто покупает нужную информацию: мне нужна информация, вам — деньги, адью! А коготок у агента увяз, он из этого дела уже не вылезет. Агент тот хорош, кто обладает следующими данными: служит, например, в военном ведомстве на не высокой, но ключевой должности, дающей доступ к информации, не выслуживается в старшие офицеры, носит ампула неудачника (не сумел, положим, окончить академию генштаба, так как болезнь отняла «лучшие годы»), любит выпить (а это дорого стоит!), имеет слабость к женскому полу (что тоже недешево!), критически относится к своему правительству и лояльно к правительству резидента.

Впрочем, не только слабостей ищут в своих помощниках шефы, а предпочитают для вербовки четкую идейную основу, которая намного прочнее меркантильной, гарантирует от провала и украшает достижение цели не неизменными, а вполне достойными методами. Такой вариант, конечно, не частый, но тем он и заманчивей для каждого разведчика, претендующего на звание порядочного человека. Я знаю случаи, когда идейно убежденный агент давал информацию, которую долгое время в Центре принимали за дезинформацию, организованную противником: уж больно она была дорогой и слишком дешево нам доставалась, а признать убежденность агента искренней тоже было непросто. Рискованно! Впрочем, если бы обиженные богом и судьбой поголовно стремились в агенты иностранных разведок, резидентам пришлось бы отбиваться от волонтеров ногами.

П с и х о л о г и я. Кто я в чужой стране, как вы думаете? Враг? Ни в коем случае! Тот смысл, который вкладывается в обычное понятие «шпион», ко мне не относится. Я разведчик! Я не выискиваю в чужой стране слабые места с точки зрения экономики, военного дела или политики, чтобы направить против них удары. Я собираю информацию, исходя из совершенно иных замыслов, поскольку вся моя деятельность направлена на то, чтобы предотвратить возможность конфронтации между моей родиной и страной, в которой я действую. Именно в этом смысле структурирует нас Центр, и мы придерживаемся этого принципиального указания.

Кстати, вам не приходилось где-нибудь читать, что написано на мо-

гиле Рихарда Зорге? В Токио на кладбище Тама лежит гранитная плита с такими высеченными на ней словами: «Здесь покойся тот, кто всю свою жизнь отдал борьбе за мир». Теперь вам понятно, что я хочу сказать?

В з г л я д. Средний англичанин аполитичен и равнодушен: ему совершенно наплевать, кто им правит и куда ведет страну, чем хорош или плох «Общий рынок», его интересует собственный заработок, работа и чтобы жена была довольна. А вот связать свою судьбу с гонкой вооружений и борьбой против нее, причем в интересах самой же Англии, он, как правило, не умеет. Искать в таком единомышленника трудно, если вообще возможно. Знаменитый Блейк, работавший на нас долгие годы без копейки денег, чрезвычайная редкость. Он просто умный человек: проанализировал ситуацию в мире, определил ее истоки и перспективу, а затем, посчитав нашу политику более справедливой, принял обдуманное решение помогать нам.

В ЕДУЩИЙ:

С ю ж е т. Считаю целесообразным предложить вам следующую сюжетную схему будущей книги о Лонгсдейле; если что-то не будет понятно, задавайте вопросы прямо «по ходу». Итак, с начала Великой Отечественной войны ваш герой (пусть он пока носит условное имя Л.), только что окончивший десятилетку, попадает добровольцем на фронт. В составе диверсионной группы он выполняет в тылу врага оперативные задания. Потом, возвратившись через линию фронта в родную часть, служит в разведывательном батальоне, показывает себя смелым и волевым солдатом, неоднократно берет «языков», участвует в их допросах (в качестве переводчика), выполняет отдельные поручения начальника особого отдела дивизии.

- Виноват, какие поручения?
- Отдельные.
- А почему Л., а не Лонгсдейл?
- Л. не совсем Конон Трофимович.

Начальник особого отдела, убедившись в том, что имеет дело со стоящим человеком, рекомендует его на работу в органы КГБ (впрочем, тогда мы еще назывались НКВД). Так ваш герой еще во время войны попадает к нам. После короткой спецподготовки его забрасывают в глубокий немецкий тыл, в самое логово. Там, в Берлине, Л. устанавливает связь с резидентом нашей разведки Д., который снабжает его надежными документами, отработывает легенду-биографию, помогает легализоваться и включает в активную разведывательную деятельность. После победоносного окончания войны Л. возвращается на Родину и, уволившись из разведки, поступает в высшее учебное заведение. Обзаводится се-

мьей. В 1949 году, в период работы над дипломом, его вызывают в Комитет по государственной безопасности.

— Не понял: откуда Л. знает немецкий язык? Обычная школа?

— Нет. До войны он четыре года прожил с родителями в Германии, учился в немецкой «школе».

— Что я могу писать о резиденте Д.?

— Ничего, кроме того, что он Д.

— Но минуло более тридцати лет... Хотя бы он жив?

— Да. В том-то и дело.

В КГБ вашему герою предлагают выполнить ответственное задание, связанное с разоблачением подрывных акций ЦРУ против нас в Западной Германии и, возможно, в Японии. После некоторых раздумий Л. дает согласие и вскоре оказывается на территории ФРГ в роли «немца», исполняя свои прежние документы и (частично) старую легенду.

— Раздумывая, он советуется с женой и родственниками?

— Нет, его решение самостоятельное.

— А как объясняют жене скоропалительный отъезд супруга?

— Не проблема: срочной командировкой Внешторга в Китай.

— ?

— Л. владеет китайским языком.

— Оканчивает соответствующее отделение МГИМО?

— Можно и так. Института внешней торговли.

С помощью резидента Д. он успешно легализуется, заводит полезные связи и ищет подходы к лицам, работающим в Бундеснахрихтендинст (БНД) — геленовской разведке, полностью находящейся под контролем американцев; БНД, кроме прочего, готовит для заброски в Советский Союз агентуру, вербуя ее среди русских людей, по разным причинам оказавшихся на Западе. Наконец Л. выходит на человека, с которым был знаком еще во время войны, в свою первую «командировку» в Германию. Назову этого человека Герхардом. Для восстановления с ним «дружбы» Л. не жалеет ни времени, ни денег, но вдруг понимает, что и Герхард, работающий в БНД, тоже осторожно обнюхивает его, пытаясь, вероятно, привлечь к сотрудничеству с геленовцами.

— На ловца и зверь бежит?

— Примерно так. Но сложнее.

— Нельзя ли военный период жизни Л. осветить подробней?

— Можно. Внесите этот пункт в ваш вопросник, адресованный Коллону Трофимовичу.

Мы остановились на том, что Герхард, осторожно обхаживая «старого друга», старается привлечь его к сотрудничеству с БНД. Наше руководство, однако, тщательно взвесив все обстоятельства, рекомендует Л. предложение Герхарда на данный момент отклонить.

— Отклонить достижение главной цели?

— По трем причинам.

Во-первых, рано: устройство на работу в любую разведку обычно связано с весьма серьезной проверкой прошлого кандидата, к чему Л., обладая еще сыроватой легендой и только вживаясь в образ, был недостаточно готов, а рисковать им, учитывая его потенциальные возможности и перспективу, не имело смысла. Во-вторых, отказ от сотрудничества да еще под соусом истинно немецкого патриотического «нежелания» работать на американцев (несамостоятельность геленовцев была общеизвестна) лишь поднимает акции кандидата в глазах руководства БНД. Наконец, в-третьих, именно в тот период Центр задумывает довольно «простенькую» акцию, касающуюся некоего Альфонса Вагнера, и ищет для нее исполнителя; ваш герой, казалось, больше других подходит на эту роль, тем более ему нужно чем-то заполнить паузу, что, как потом выяснилось, было ошибкой Центра: лучше бы ему сидеть тихо.

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Психология. Авантюрная жилка, говорите? Она, возможно, и нужна разведчику, но главное в другом. Каждый из нас играет самого себя, я бы сказал, с поправками. Что это значит? Разведчику, как и актеру, подбирают «роль», которая соответствовала бы его характеру, темпераменту, вкусу, конкретному состоянию и его человеческому амплуа: этот художник, этот изобретатель, бармен, журналист, врач, консьерж, я, например, бизнесмен. Не так важна сама профессия, сколько то, чтобы к ее носителю меньше придирались. Поясню. Если я бизнесмен, мой характер не должен мешать мне исправно платить налоги; при этом я должен учитывать, что тот, кто доносит на неплательщика налогов, получает десять процентов от суммы, с него взысканной по суду, — представляете, сколько лишних глаз будут смотреть на меня! Знаменитый Аль-Капоне, всю жизнь блистательно не дававшийся в руки правосудия, хотя и совершал чудовищные преступления, однажды все-таки сел — за что? Вы не поверите: за неуплату налогов!

О д н а ж д ы. Еду на машине, взятой в аренду, из Норвегии в Швецию через Тронгем. Границы нет, что хорошо, потому что мне нужно было избежать таможенного контроля. В ту пору многие страны уже перешли на двустороннее движение. И вот я еду и, естественно, не замечаю маленького пограничного столба. Вокруг тундра. Комары. Полярный день: висят над головой сразу два солнца. Вдруг мне навстречу да по моей стороне (!) летит машина. В Швеции и в Норвегии, как потом оказалось, «разные движения». Конечно, «поцеловались»: я ему — ничего, а он мне сбил крыло и пропорол баллон. Полиция, повторяю, мне была ни к чему, и я отпустил его с богом. Сунул: запасной баллон спущен, а насоса в этой наспех арендованной машине почему-то нет. Сижу. Жду. Курю. Как на грех, ни одного авто. А я в рубашке — не родился (в смысле счастливый), а действительно в одной рубашке

(в смысле несчастный: мошка лезет!). Посмотрел по карте: до ближайшего населенного пункта километров двадцать. Пошел пешком, а что делать? Завернулся от мошки в какую-то тряпку и в таком импозантном виде топаю в надежде, что повезет. И точно: через пять километров — палатка на обочине, при ней машина. Датчане. Путешественники. Дали мне, добрые люди, насос, чтобы накачать запаску, но подвезти пять километров назад отказались: пожалели бензин. А насос, между прочим, доверили. Другой бы на моем месте донул с их насосом обратно в Норвегию, хотя, конечно, он не из золота. Поплелся я своим ходом, сменил колесо, вернулся (они дождались!), отдал насос и поблагодарил за бескорыстную помощь.

Судьба. Жил-был молодой человек, назову его Федором. Меня друзья в детстве иногда Костей звали, его вполне могли называть Федей. И вдруг — война. Прибавив себе год, Федя идет добровольцем. Воюет. И так как у него на немецкий язык талант, его слегка учат «кое-чему» и зимой 1943 года забрасывают в лагерь немецких военнопленных под Тулу. Как немца. С легендой: родители, мол, погибли в Кельне во время налета «союзников» (этих родителей наша разведка действительно «имела», их единственный сын Франц пропал на Восточном фронте, Федя этим Францем и стал — со всеми его документами, биографией и даже невестой, оставшейся в Кельне). Потом лагерь из-под Тулы нарочно переводят поближе к переднему краю, в Белоруссию, мы наступаем, уже 1944 год. Тут Феде-Францу с двумя пленными, один из которых офицер-абверовец, делают побег. С трудом опережая наши наступающие части, троица успевает добежать до Германии раньше нас. Там Федя связывается с верными людьми из антифашистского подполья, с помощью которых получает новые и совсем уже настоящие документы на имя Франца, выправленные не в штабе армии «старшиной-золотые руки» по имени Гавриил Фомич, умеющего классно переклеивать фотографии, а в «родной» канцелярии города Кельна. И вот он чистый немец! К тому же «заслуженный», бежавший из русского плена вместе с офицером-абверовцем (третий беглец случайно гибнет в Восточной Пруссии, прямо на пороге собственного дома), но в Кельн Феде никак нельзя: невеста! А времени, чтобы Францу измениться до неузнаваемости, проходит еще маловато, хотя и ростом, и мастью, и возрастом Федя был почти Францем. Но п о ч т и это еще не все. Подумать только, случись рокировка в другую страну, кто знает, немец Франц мог стать нашим Федором, и тогда он бы боялся ехать в Москву, где были у него «родственники» и, положим, «невеста». Ну, ладно. Потом Феде приходится немного повоевать против нас, «защищая» Берлин, получить за заслуги штурмбанфюрера (звание, равное нашему майору) и Железный крест. Впрочем, за те же, по сути, заслуги Федя и у нашего руководства получает награду и повышение в должности: молодец! В последний день войны, выполняя важное задание нашей армейской разведки, он

едва не погиб. «Домой» в Кельн ему по-прежнему нельзя, а домой в Москву тоже рановато. «А как родные его мама и папа?» — спросите меня. Пожалуйста. Страшно вымолвить, но им невозможно было пока сказать, что их сын жив, а уж чем и где занимается, и подавно: такова наша жизнь. Вам не кажется странным, что я в таких подробностях знаю чужую судьбу? Не удивляйтесь, это, как и разная манера речи («под интеллигента», «под простака», «под характерного героя»), тоже элемент нашей профессии: чужие диалекты и биографии мы порой знаем лучше собственных.

В з г л я д. В Англии много способов стимулировать оптового покупателя. Например. Я люблю оливковое масло. Бутылка стоит шиллинг, две бутылки — уже полтора! У нас бы в Союзе так с ценами на водку, пили бы не «на троих», а «всем классом»!

П с и х о л о г и я. Желаящий прославиться, непомерно честолюбивый человек не может быть разведчиком: жизнь в подполье сковывает, смазывает таланты, не дает развернуться, выделиться, лишает широкого круга знакомств, оставляет только те, которые необходимы для дела, препятствует общественному признанию. Мы все помним слова Дзержинского, и не только общеизвестные, которые и вы, к примеру, можете повторить, но знаем всю цитату до конца: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК. Чекист должен быть чище и честнее любого — он должен быть, как кристалл, прозрачным». Вот уж воистину: разведка — это работа для невидимок в широком смысле слова. Невидим для славы, широкой известности, для всеобщего почитания, за исключением, пожалуй, таких героев нации, как Зорге и Абель или Мата Хари. О нас узнают, к сожалению, когда нас разоблачают и судят, — так уж лучше бы не узнавали совсем. Понимаете ли, профессионализм и любительство, как день и ночь: я, например, был шахматистом-любителем, им и остался и даже не догадывался когда-то, что профессия разведчика — мое истинное призвание. Впрочем, как говорят англичане, качество пудинга определяется после того, как его съешь...

К а ч е с т в а. Разведчик должен быть элементарно сообразительным. Помню, в детстве меня хотели отдать в школу для особо одаренных детей. Привели к директору, он стал проверять, тестируя: что лежит на столе? Я, как и было предложено, поглядел ровно три секунды, потом отвернулся и добросовестно перечислил: журнал, чернильница, очки, лейкопластырь, настольная лампа, еще что-то. Директор меня спрашивает: а шапка лежит? Мне нужно было время для соображения, и я уточнил: вы спрашиваете про головной убор или что? Он, наверное, улыбнулся: да, именно так, шапка или кепка? Я уверенно отвечаю: кеп-

ка! И меня приняли как вундеркинда. Я же был просто сообразителен: если директор спрашивает про головной убор, которого я за три секунды на столе не заметил, то, значит, он там лежит, а если лежит, то, разумеется, кепка, потому что на дворе осень, дело к сентябрю, кто же осенью носит зимние шапки?

Провал. В принципе мысль о возможном провале была у меня (без преувеличения) всегда. Но также всегда я думал, что пуля пролетит мимо и убьет другого. Когда же она все же попала в меня, я пережил очень странное ощущение: прежде всего обрадовался тому, что буквально несколькими часами раньше, интуитивно почувствовав опасность, успел предупредить помощников, и все они, законсервировавшись, завили за собой крышки.

ВЕДУЩИЙ:

Приложение № 1. Альфонс Вагнер во время войны был младшим офицером. После капитуляции Германии работал начальником баварской пограничной полиции в городе Нойштадт, близ демаркационной линии, откуда и был извештен нашей разведке, с тех пор за ним присматривающей. Будучи сотрудником полиции, Вагнер поддерживал официальный контакт с органами Си-Ай-Си в Коттбурге, а потом стал вербовать в американской зоне оккупации агентов из числа жителей ФРГ для засылки в советскую зону. Одновременно работал и на геленовцев, то есть на БНД.

— Многостаночник?

— Вот именно. Задачей вашего героя и должна была явиться попытка переребовки Вагнера, человека способного и обладающего завидной информацией.

Надо сказать, что еще раньше, стремясь найти дополнительные источники дохода, Вагнер сам предложил нашей разведке (в лице специально подставленного ему для этой цели представителя) купить у него данные на агентуру американской разведки. При этом Вагнер поставил условие: за «голову» каждого жителя ФРГ, который будет установлен нами как агент на основании полученных от Вагнера данных, ему выплачиваются две тысячи западных марок. Предложение было принято. За относительно непродолжительный срок он сообщил данные на 15 человек, из которых 11 были арестованы на территории ГДР и осуждены за шпионскую деятельность. «Заодно» Вагнер передал нам сведения о ряде офицеров американской разведки, работающих в спецслужбах городов Хоф-Заал и Коттбург. Но потом Вагнер вдруг вышел из игры, заявив нашему представителю, что прекращает связь с Си-Ай-Си и больше не будет иметь для нас материалов. Вель период сотрудничества с Вагнером, повторяю, мы знали, что он агент БНД, но от нас этот факт скрывает.

На какое-то время Вагнер исчез из нашего поля зрения.

Сюжет (продолжение). Когда Вагнер вновь появляется на горизонте, Л. поручают договориться с ним о новом контакте на чисто коммерческой основе, то есть о продаже за наличный расчет нескольких

агентов, на сей раз из БНД. Дело на первый взгляд кажется простым и беспроигрышным, если не учитывать того, что Вагнер «орешек», который еще надо разгрызть. Короче говоря, Л. приходится пережить из-за него несколько неприятных мгновений. Когда они впервые встречаются (дело происходит в Нюрнберге, где в это время живет Вагнер), тот ведет себя как «настоящий» немецкий патриот: заявляет, что одно дело продавать Советам людей, работающих на американскую разведку, а другое — тех, кто честно трудится на благо любимой фатерланд. И категорически отказывается от сотрудничества, пригрозив, что если Л. не оставит его в покое, он сообщит о визите своему геленовскому руководству. На это Л. замечает, что Вагнеру придется заодно сообщить и о своей недавней связи с советской разведкой и о продаже ей американских агентов.

— Шантаж?

— С грязными людьми в белых перчатках не работают.

На это Вагнер с апломбом отвечает, что ничего не боится, поскольку его руководство поймет «настоящий патриотизм»: продавая американскую агентуру, Вагнер тем самым отвлекал внимание Советов от сотрудников БНД, которые решали важные оперативные задачи в советской зоне оккупации именно в это самое время. Затем Вагнер, окончательно осмелев, предлагает Л. убраться, пока цел, и они расстаются. Л. тут же запрашивает Центр, что ему делать, и Центр оставляет решение вопроса на усмотрение исполнителя. Тогда Л., не веря, что Вагнер способен открыться своему руководству, а просто набивает себе цену, принимает решение встретиться с ним еще раз.

— Но это же связано со смертельным риском! Как мог Центр...

— Мог, так как не в силах на расстоянии оценивать достоверность и мотивы отказа Вагнера и реальность его угроз.

Л. звонит Вагнеру. Тот сам берет трубку и вновь отвечает вашему герою категорическим отказом. Тогда, перебравшись в телефонную будку, расположенную недалеко от дома Вагнера, и так, чтобы за входом в дом можно было наблюдать, Л. еще раз звонит, и снова Вагнер подходит к аппарату. Л. говорит ему, что решительно настаивает на немедленной встрече. После паузы Вагнер приглашает его к себе, но не сразу, а часа через два. Л. делает вид, будто размышляет, а затем соглашается. И смотрит за домом. Убедившись, что в течение ближайших трех часов никто к Вагнеру не входит и не выходит от него, Л. меняет телефонную будку и вновь звонит Вагнеру.

На этот раз визуального обзора дома нет. Ваш герой открытым текстом говорит Вагнеру, что, явившись на место встречи, он непременно прихватит с собой копии расписок, которые тот давал представителю советской разведки в обмен на валюту, полученную за «головы» агентов. Кажется, Вагнер действительно задумывается. Тогда Л. предлагает ему встретиться ровно через четыре часа, то есть в полдень, на остановке

трамвая на Цельтисплатце, где находится гостиница «Капитоль», в которой Л. остановился. Вагнер, внимательно выслушав Л., говорит, что подобные действия могут доставить Л., и его «хозяину» большие неприятности, после чего вешает трубку. Не колеблясь, Л. звонит опять, и вновь к телефону подходит Вагнер. На сей раз ему приходится выслушать следующее: Л. вместе с «хозяином» идет на неприятности, но предупреждает, что не меньшие неприятности ждут и Вагнера, если он откажется возобновить сотрудничество или устроит Л. ловушку. Жителям ФРГ, родственники которых «благодаря» Вагнеру были осуждены в ГДР за шпионаж, будут представлены доказательства того, что Вагнер виновен в их несчастье, а если этого будет мало, тогда с ним придется навсегда расставаться, что Вагнер оценивает в меру своего собственного понимания и методов работы, и терминологии.

И Вагнер сдается.

К О Н О Н Т Р О Ф И М О В И Ч:

П р о в а л. Один англичанин, бизнесмен, с которым я имел дела, как-то заходит ко мне в офис с девицей. Представляет ее: Наташа. Странное, говорю я, имя: Наташа — вроде русское? Она мне по-русски и говорит: «Да, я москвичка!» — и весь дальнейший разговор был как на иголках: вдруг, думаю, вырвется у меня ненароком русское слово или родной оборот, хоть и сказанный мною по-английски... Как я ретировался!

П с и х о л о г и я. К каждой операции я готовился более чем тщательно, так как понимал: если среди пятидесяти миллионов англичан и двухсот миллионов американцев находится один разведчик, положим, Лонгсдейл, и он не кричит благим матом, что он русский, его ни за что не поймают. Поймать его могут в деле, в работе, когда он передает или получает информацию, вербует или осуществляет операцию. Значит, работать надо чисто. Я так и работал долгие двенадцать лет: сосредоточенно, не думая о постороннем, в том числе об опасности... О березке перед крыльцом родного дома, как пишут в современных героических повестях, тоже не думал. У Дзержинского есть письмо жене, датированное восемнадцатым годом: я нахожусь в самом огне борьбы, живу жизнью солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом, некогда думать о своих и о себе. Это точно подмечено: я тоже крепко подумал о Родине, о семье и о себе только раз, когда давал согласие работать в разведке, и мне этого «раза» хватило на все испытания и на всю жизнь, до этой самой минуты.

П о р т р е т. Англичане делят всю литературу на фикцию и нефикцию, вымысел и невымысел. И я так стал делить, оказавшись за решеткой: совершенно «не шла» художественная литература, даже любимые

Чехов и Бальзак. Только конкретная; по-вашему, документалистика? Да? Впрочем, я всегда был грубым реалистом: стихов никогда не писал и не понимал людей, которые пишут. Как можно рифмовать нечто сокровенное, которое в моем понимании потому и сокровенное, что никакой искусственной обработке не поддается, а если поддается, тотчас перестает быть сокровенным? Эта моя мысль скорее всего свидетельствует о дремучести моих чувств и о вздорности моего характера, верно? Зато диссертацию по физике я в тюрьме начал: выписал два десятка специальных книг из тюремной библиотеки. Вы уже поняли, очевидно, что я не «лирик»...

К а ч е с т в а. Применимо ли к нам, разведчикам, понятие «один в поле воин»? Нет и нет! Во-первых, мы не обладаем ни сверхчутьем, ни сверхсилой, мы не сверхчеловеки; агент 007 сугубо литературен, а потому нежизнеспособен. Таких разведчиков в реальной жизни не встретишь, они нашей профессии, если угодно, противопоказаны: торчат посередине пресловутого «поля» не воинами, а очень заметными часовыми-дураками, неумело поставленными нерадивыми командирами — с какой стороны ни зайдешь, отовсюду это их «сверх» видно! Разве можно разведчику эдак торчать? Он должен быть мышью за веником, потому что вся его сила в незаметности и в его помощниках, которые таскают ему в норку информацию. Это, как я уже сказал, «во-первых», а во-вторых, участок деятельности каждого разведчика столь узок и мал и так негромок, что сам по себе вроде мозаики: почти ничего не решает, а только вкупе с такими же собранными «в картину» что-то и значит. И получается, что более справедливо сказать: один в поле как раз не воин!

А В Т О Р:

Э п и з о д (из беседы). Однажды во время очередной встречи с Лонгсдейлом я уточнил вопрос, ранее заданный ему письменно, но сам себя загнал этим в угол. Речь шла о способах переправки разведчика за кордон. Я спросил Конона Трофимовича, каким образом его впервые забросили: ну, сказал я, предположим, в Канаду — легально или нелегально? Сразу с документами или с легендой, дающей возможность со временем получить паспорт? А главное, как? С помощью подводной лодки или романтическим образом поместили в контейнер с отверстиями для дыхания и сухогрузом доставили в Монреаль? Или «элементарно» кинули ночью с парашютом сразу в пригород какого-нибудь Ванкувера? Пока я фантазировал, мой герой и его коллеги весело переглядывались. Потом Ведущий мягко сказал: «Видите ли, это секрет». «Но мне что-то надо писать», — возразил я, — не родился же Конон Трофимович в Канаде, а как-то туда попал!» «Вот вы и придумайте, как», — неожиданно предложил Лонгсдейл, а Ведущий, поправив платок, уголком торча-

щий из нагрудного кармана пиджака, так же мягко добавил: «Но имейте в виду, если у вас получится глупость вроде контейнера и сухогруза, вы сами не захотите пользоваться таким нереальным способом. Но если будете близки к истине, то есть угадаете, мы вежливо попросим вас придумать что-то другое. Ну, а если у вас родится нечто совсем оригинальное и способное к реализации, мы вас, конечно, поблагодарим и... тем более «попросим»! Я был в недоумении: что же мне делать? Они улыбались: мол, не взыщите, мы живем по странным законам! Затем Лонгсдейл взял со стола спичечный коробок и великодушно произнес: «Принцип я вам объясню, он не сложен. Смотрите на спички». Я смотрел, а он говорил, манипулируя при этом коробком со спичками, ставя его то на «попá», то на «живот», то «ребром»: «Вот я (на «живот», этикеткой вниз) сажусь в Москве в поезд и еду, предположим, в Финляндию, но приезжаю туда (на «попá») уже другим человеком, потому что на вокзале в Хельсинки после таможенного досмотра мне передают новые документы, с которыми я плыву в Стокгольм, где снова («ребром») получаю документы, сажусь с ними в самолет и лечу — куда вы сказали? В Канаду? Хорошо, в Канаду, и на подлете к Монреалю в самолете мне передают (снова на «живот», но этикеткой вверх!) документы, и через пару часов я (на «попá») в Торонто или Ванкувере. Вопросы есть?» Вопросов не было, и все они удовлетворенно заулыбались, а Ведущий, не меняя своего амплуа, мягко произнес: «Но дословно так, как только что объяснял вам Конон Трофимович, мы тоже попросили бы вас не писать...»

В Е Д У Щ И Й:

С ю ж е т (продолжение). Когда Л. покидает телефонную будку, до встречи с Вагнером остается два с половиной часа. Решив вести дальнейшее наблюдение, Л. направляется вновь к дому Вагнера. Это один из самых рискованных моментов операции. Наконец он видит, что Вагнер выходит из дома и садится в «фольксваген». Ждет. Потом вдруг выходит его жена, и они вместе отъезжают в машину. Теперь Л. приходит к ясному предположению о том, что Вагнер все же готовит ему ловушку.

— Извините, но я это понял уже давно!

— Да? Интересно.

Решив принять меры предосторожности, Л. едет в «Капитоль», сдаст номер, но предупреждает службу, что за вещами он приедет позже (на случай, если его «установят» и организуют преследование, Л. хотел оставить у противника надежду на то, что он вернется за вещами), а затем отправляется на вокзал. Там он покупает билет на поезд до Франкфурта-на-Майне, а также билет на экскурсионный автобус до Китцингена. Поезд на Франкфурт отходит в 13 часов ровно, а автобус на Китцинген пятнадцать минутами раньше. После этих приготовлений Л. идет в ресторан «Капитоля» завтракать. Из окна ресторана хорошо просма-

тривается трамвайная остановка, куда должен явиться на встречу Вагнер. На часах 11.45.

Вагнер подъезжает через десять минут (Л. только лишь успел заказать пиццу), выходит из «фольксвагена», но оставляет за рулем жену. Он терпеливо ждет пятнадцать минут, изредка поглядывая по сторонам. Потом подходит к табачному киоску возле остановки. Вероятно, это был условный сигнал, так как со стороны туннеля на Целтисплатце появляются четверо мужчин и подходят к Вагнеру. Некоторое время они что-то обсуждают, поглядывая на часы. Затем один из мужчин поправляет шляпу, и к ним сразу подкатывают две машины, в одной из которых за рулем жена Вагнера. Трое мужчин садятся в «мерседес», один вместе с Вагнером в «фольксваген», и все они едут в направлении к вокзалу. Л., съев пиццу, покидает ресторан и, не заходя в номер, тоже отправляется на такси к вокзалу.

— Зачем?! И так все ясно!

— Вам. Но вашему герою предстояло выносить приговор.

Он видит: обе машины уже на стоянке возле вокзальной площади. Хотя опасаться Л. следует только Вагнера, который знает его в лицо по единственной встрече, это тоже очень рискованный момент. Желая окончательно убедиться в коварстве Вагнера, Л. входит в здание вокзала и останавливается на некотором расстоянии от выхода на перрон, где проверяют билеты. Там Вагнер и двое мужчин, они стоят подле контролера, держа руки в карманах плащей. Вагнер при этом бесцеремонно вглядывается в лица идущих к поездам пассажиров. Тогда Л. быстро покидает вокзал.

— Надвинув на глаза шляпу?

— Если угодно.

Экскурсионным автобусом он отправляется в Китцинген, там ночует и на следующий день оказывается уже в Берлине. Перевербовка Альфонса Вагнера, к сожалению, срывается. Провал. Позже становится известно, что Вагнер действительно сообщил геленовскому руководству и о своей прежней связи с советской разведкой, и о передаче ей за деньги материалов на американскую агентуру, и об «искреннем» раскаянии, и о визите Л. Его не наказали, потому что он «честно» намерен был расплатиться советским разведчиком, однако не виноват, что это не получилось, хотя он делал все, что ему велели. Правда, Вагнеру предложили хранить все происшедшее в глубокой тайне. В 1961 роковом для него году Альфонс Вагнер все еще работает в БНД, занимая небольшой руководящий пост в Нюрнберге, носит подпольную кличку «Вебер» и имеет цифровой псевдоним «2757».

— Вы сказали: «роковым» году. Что с ним случилось?

— Погиб в автомобильной катастрофе. Сгорел.

— Неужели?!

— Нет, конечно. По-видимому, приговор ему вынесли они сами, и они же привели его в исполнение. Он явно переигрывал...

- Вагнер знал, откуда возмездие? Не мог подумать на вас?
- Надеюсь, ему успели объяснить: кто и за что.
- Л. к тому времени уже выполнил свою основную задачу?
- Более того.

Дальнейшие события развиваются так. После неудачи с Вагнером Л. полностью переключается на «старого друга» Герхарда и в конце концов после трудных «переживаний» морально-этического характера, принимает его предложение о сотрудничестве с БНД. Они вместе перебираются в центр геленовской разведки, находящийся в Пуллахе, недалеко от Мюнхена. Там Л. близко сходитя с хорошим знакомым Герхарда, которого я назову Гансом. Ганс — ответственный сотрудник БНД, матерый разведчик, когда-то работавший под началом адмирала Канариса — сына гитлеровской разведки. Л. устанавливает, что американцы из ЦРУ усиленно обхаживают Ганса, надеясь заполучить его, и вербует крупного разведчика прямо под носом у американцев. Вербовка Ганса доставляет Л. истинное и довольно редкое в нашей профессии удовлетворение, так как Ганс сам идет навстречу вербовке, имея на то свои причины...

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Психология. Главное для разведчика, извините, голова, назначение которой, как говорится, не только шляпу носить, но и думать. О чем? Чтобы вырабатывать прежде всего внимательность к мелочам и в связи с ними правила поведения. Каждый поступок надо совершать без паники и на основе здравого смысла. Нельзя все «выходящее из» принимать на свой счет или как провокацию. Например: разведчик покупает в магазине сорочку, и продавец вдруг спрашивает его адрес и фамилию. Для новичка — паника: на кой черт?! А это всего лишь в действительности лозунг: «реклама — двигатель торговли!» В магазине составляют список уважаемых в обществе «солидных» покупателей и печатают в местной газете. Или: только поставил себе телефон, и «вдруг» звонок с предложением какой-то услуги, хотя в справочнике этого номера еще нет. «Откуда вы узнали?!» — в совершеннейшей панике, а абонент отвечает: у меня, хе-хе, на телефонном узле свой человек, сэр! Для нервного и недалекого разведчика такие мелочи в тягость, для спокойного и умного — норма. Логика вместе со способностью думать дают верный вывод и верное поведение.

Работа. Центр — это солидный аппарат с множеством различных служб, его структура архисекретна, даже я ее не знаю, как не знаю и того, кто мой непосредственный начальник, кто над ним и кто над тем, кто «над ним», и т.д. Обычно: «Второй», передайте «Четвертому», чтобы «Третий»... или наоборот: «Третий», доложите «Первому»! Только так. Если мой непосредственный начальник, который для меня, положим,

«Пятый», женился, умер или понизился в должности, я всего этого знать не обязан и не буду: просто у меня или останется прежний «Пятый», или появится новый начальник, который тоже будет «Пятым». Реально за этой цифрой я могу представить себе кого угодно, и мне, собственно, даже неинтересно это делать. Центр для меня есть Центр, хотя, конечно, почерк одного «Пятого» от другого я отличить все же мог: у разных людей разный стиль работы, есть и другие тонкости и различия. Мы, бывало, даже шифровальщиков по их манере угадывали: это — работа Михаила Всеволодовича, это — Виля (Вильгельма), а это — Сонечки. Думаете, я когда-нибудь видел их в глаза? Видел: после обмена и возвращения на Родину. Председатель устроил специальную встречу с технической службой: знакомьтесь, когда вам передавали закодированный текст и в конце его звучал сигнал «я кукуаррача» (точка, три тире), это был Вильгельм, прошу любить и жаловать. А если перед пожеланием вам доброго здоровья шло «я на горку шла» (две точки, три тире), это Сонечка... Шифровальщикам я жал руки, а Сонечку расцеловал, они были для меня Голосом Моей Земли, самыми близкими, почти родственниками. Впрочем, я не сентиментален, как вы успели заметить.

О д н а ж д ы. Получаю задание Центра отправиться в турне по Европе: за двенадцать дней — десять стран. К концу путешествия я буквально валился с ног, причем больше от разговоров, чем от километров, а мои случайные попутчики-собеседники, в том числе даже старые люди, почему-то держались бодро. В чем секрет? Искусство беседы! Я с ними — по наитию, а они со мной — «по Карнеги», которым тогда увлекался весь мир: сидишь с человеком, беседуешь, он всю дорогу говорит, не умолкая, ты только слушаешь, а потом он тебя считает интересным собеседником, при этом он — без сил, а ты — как огурчик! Во время упомянутого путешествия в одном купе со мной оказалась на пути из Парижа в Мадрид пара новозеландцев, муж и жена, миллионеры. А я в ту пору ни сэр, ни Лонгсдейлом еще не был, «прошлого» мое было хлипким, неотработанным, поскольку не существовало ни одного человека в мире, который знал бы меня год назад, хотя все документы и всевозможные соображения для легенды были, кажется, в полном порядке. Трудно «родиться» сразу тридцатилетним! Совершенно интуитивно я стал в этом купе не говорить, а слушать. Много говорил старик и все больше о велосипедных соревнованиях, о том, как он в молодости гонял по утрам на вело по двадцать миль, а в итоге на каких-то любительских гонках по Новой Зеландии выиграл первый приз в пять тысяч долларов и с этого началось его нынешнее богатство. Я молчу. Слушаю. Вдруг он поднимается, отводит меня в коридор из купе и говорит: «Что тебя держит в Канаде?» (Я уже был «канадцем».) — «Ничего, — говорю, — я холост». — «Найдешь пять тысяч долларов?» — «Найду, а зачем?» — «Плюнъ на все, поедем в Уэлдингтон, я тебе помогу!» И гарантирует мне через три месяца полтора миллиона, так как знает, на каких

землях, когда и что будут строить в Новой Зеландии. Выходит дело, мне удалось очаровать старика, хотя, клянусь, я не проронил ни одного лишнего слова, мне просто нечего ему было рассказывать. От заманчивого во всех отношениях предложения, которое, кстати, вполне серьезно обсуждалось в Центре, пришлось отказаться: Центр не устраивали какие-то детали.

Работа. Я, например, ни разу не приклеивал усы или бороду, не надевал парик, не наряжался в военную форму или женщиной, или в одежду чистильщика сапог. Все это совершеннейшая глупость, потому что резиденту и его помощникам нет нужды куда-то тайно проникать (за очень редким исключением!), стоять сутками за занавеской, выдавать себя за слесаря-сантехника и коммивояжера или карабкаться в окна по веревочным лестницам. Я полностью согласен с моим коллегой-полковником А., который сказал, что разведка — это не приключения, не какое-то трюкачество, не увеселительные поездки за границу, а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства, воли и выдержки, серьезных знаний и большого мастерства. Наша работа, если хотите, даже скучна, а наш метод иногда весьма прост: анализ данных, взятых из газет и других официальных источников информации. Ну, а если мы и достаем сверхсекретные документы прямо «из сейфов», то лишь с неременным условием, чтобы это приобретение не ставило под угрозу сеть нашей агентуры и каждого агента в отдельности. Следовательно, такие документы наши помощники «элементарно» кладут в свои карманы, а мы их так же «элементарно» покупаем. Спрашивается: зачем для этого резиденту с помощником наклеивать бороды и наряжаться женщинами? Я намеренно снимаю лишний налет «героического романтизма» с нашей работы, она и без этого флера достаточно опасна: двадцать пять лет тюрьмы, мною полученные, убедительное и трагическое тому доказательство — не так ли?

ВЕДУЩИЙ:

Приложение № 2. Как я уже говорил, Ганс прежде работал у Канариса в русском отделе: превосходно знал многие славянские языки. До и во время войны он был националистом, однако идеалом его был не Гитлер, а Бисмарк. Это маленькое, казалось бы, расхождение с торжествующей в тогдашней фашистской стране доктриной рано или поздно должно было привести (и привело!) Ганса к тем, кто мечтал о восстановлении единой послевоенной Германии, действительно независимой и мирной, живущей в согласии со всеми странами мира. В том числе с СССР. Родная сестра Ганса оказалась после капитуляции рейха с семьей в Восточной Германии, и ей, женщине разумной и трезво мыслящей, не без помощи резидента Д., дважды была устроена встреча с братом, что тоже повлияло на постепенное перерождение, а лучше сказать — выздоровление Ганса.

Но он был идеалистом и по натуре романтиком, наивно полагающим, что в «тайной войне» разведок, неизбежной и жестокой, могут быть тем не менее джентльменские правила игры и даже соглашения во имя того, чтобы едиными усилиями предотвратить войну настоящую, кровопролитную, в которой Ганс уже потерял двух братьев и шурина, а потому был сыт ею по горло. Не сразу убедившись в том, что деятельность геленовского руководства и правительства Западной Германии противоречит его идеалам и стремлениям, он постепенно разочаровывается в БНД, не говоря уже о ЦРУ, идейно отходит от них и, наконец, принимает нелегкое для себя решение «действовать», но как — не знает.

Вашему герою не понадобились ни деньги, ни обман, чтобы склонить Ганса на свою сторону: Ганс уже был единомышленником. Впрочем, процесс «перековки» Ганса не был простым и безболезненным, поэтому Л. далеко не всегда чувствовал себя рядом с ним в безопасности: Ганса чистенько швыряло из стороны в сторону, как Григория Мелехова из «Тихого Дона».

— История знает немало случаев болезненных «перековок», причем как в ту, так и в другую сторону: благородные Брусилов и С. С. Каменев, низменные Власов, Азеф, Дюмуре...

— Зачем «история»? Это и сейчас происходит, пока мы с вами разговариваем. А наша задача сводится к тому, чтобы одним перековкам способствовать, другие — пресекать.

С ю ж е т (продолжение). Через некоторое время Центр рекомендует Гансу принять предложение американцев с тем, чтобы внедриться в ЦРУ и, кроме того, составить протекцию Л. Так ваш герой становится «цереушником». Однако не сразу: сначала его отправляют в Баварию, где он неделю живет на конспиративной квартире, а затем проводит месяц в школе разведки недалеко от Бадвергсгофена. Там его учат, в том числе топографии и самбо, а заодно «проверяют». После этого Л. попадает наконец в США, и начинается «американский период» его жизни. Тем временем Ганса направляют в Японию, где налаживается разветвленная американская резидентура с базой в Иокогаме; оттуда Ганс регулярно сообщает нашему Центру о своих делах. Но вернемся к Л. Его поселяют в тридцати километрах от Вашингтона, в лесу, на берегу реки, где он становится уже не «курсантом», а, скорее, «инструктором» секретной школы разведки: учит будущих диверсантов, как «ходят русские» (американцы почему-то были уверены, что вразвалочку, по-матросски), как «пьют на троих», «разливают по булькам», «матерятся», — все это Л., считалось, знал замечательно, побывав в русском плену.

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

В з г л я д. Два раза в сутки англичане «гоняют чай», мода на чай началась, если не ошибаюсь, во время войны. Причем пьют «без ничего». В Скотленд-Ярде, правда, мне, как иностранцу, давали печенье. Если американец, как бы он ни любил черный кофе, может жить без него,

англичанин без утреннего чая с молоком — не англичанин (даже в пустыне Сахара, в армии, в тюрьме!).

К а ч е с т в а. В США одному предприимчивому взрослому человеку понадобились три тысячи долларов, чтобы поехать на слет бойскаутов в другую страну. Он стал искать мецената. Нашел! Но прежде чем пойти к нему, тщательно изучил его жизнь и узнал, что меценат когда-то подписал чек на миллион долларов, взял его в рамку и повесил у себя в кабинете, чтобы всегда видеть... Я уж и не помню, когда и где мне попала в глаза эта история, но я держу ее при себе, почему-то уверенный в том, что зачем-нибудь она мне пригодится. Говорю это к тому, что умение откладывать в памяти, словно сухари на черный день, разные истории, факты, цифры и сведения — очень важное качество разведчика, — нет, не любителя — профессионала.

О д н а ж д ы. Лечу уже здесь, в Союзе, рейсом Москва — Сочи и слышу за спиной тихий разговор: «Вы что-нибудь знаете о Лонгсдейле, который был помощником полковника А.?» — «Извините, а кто это «полковник А.»? Я, естественно, не оглядываюсь и вспоминаю анекдот вот с такой бородой: учитель в школе спрашивает ученика, в каком году умер Наполеон, а тот отвечает: извините, господин учитель, но я даже не знал, что он болел!»

К а ч е с т в а. Исполнительность в смысле дисциплинированность, может быть, тот главный материал, из которого делается настоящий разведчик: умение ни на миллиметр не отходить от инструкций, правил и предписаний. Кстати, это и фундамент, на котором он может и должен устоять в случае беды и нравственных колебаний, и это же броня, которая предохраняет его от «прямых попаданий». Нет у нас рядом ни начальников, ни коллектива с месткомом и парторганизацией, все зависит от нас самих, от нашей самодисциплины, самовнушений и самобичеваний, то есть от категорий внутренних. В армии, например, куда важнее учить подчиняться и, как говорят, «отдавать честь».

П с и х о л о г и я. Перед операцией состояние следующее: ни о каком «колодце возле дома», ни о жене или детях разведчик не думает, не вспоминает. Я лично думал только о деле, был полностью поглощен только им, его деталями. Для посторонних (даже возвышенных) мыслей места в голове не оставалось. Обычно знаешь об операции загодя и продумываешь все мелочи с тщательностью микрохирурга, оперирующего, положим, человеческий глаз. На место едешь заранее, чтобы убедиться, что слезки нет. Волнуешься не ты один, все участники операции нервничают, даже в Центре, в далекой Москве. Как парашютист, который, пятьсот раз прыгая с парашютом, то есть пятьсот раз боясь волков, в пятьсот первый тоже боится, но все же прыгает, так и развед-

чик. Дурак тот, кто не трепещет и «глаз на деву не косит», — знаете эту песенку? Мне неведом разведчик, который думал бы перед встречей с агентом: «Ерунда! Встречусь — возьму — передам...» Внешне все это очень просто: сядишь в обыкновенную электричку и едешь, газету по дороге читаешь. После операции — невероятное облегчение! Но так как работа продолжается, уже думаешь о следующем деле. Этим и живешь. И еще заботами по прикрытию, то есть, проще сказать, о «крыше». Для разрядки я мог иногда пойти в театр, и то не без «задней мысли»...

К а ч е с т в а. Повторю: трезвость ума, выдержанность, самоконтроль — три наших кита. Острое «удовольствие» от нашей работы испытывают только мазохисты и прочие извратители. Может ли врач-онколог быть «доволен», увидев опухоль? Удовлетворение от операции, и то, если она удачно прошла, — это еще куда ни шло! Настоящий разведчик носит в себе постоянное, нормальное, всепоглощающее и воистину острое желание: домой! На родину! К семье! Если это и есть патриотизм, пусть будет так. Я знаю определенно, что без этого желания мы рискуем впасть в хандру и меланхолию, попасть под чужое влияние. У англичан есть пословица: моя страна, права она или не права. Универсальная мысль, я ею тоже вооружен. Из двенадцати мальчишек моего класса в живых после войны остался я один. Могу я это забыть? Не хочу больше войн! Эта идея давала мне силы. Если угодно, она же несла и романтический заряд, без которого, будучи по натуре сухим рационалистом, я бы «послал» в свое время предложение работать в разведке куда подальше, и все дела.

К а ч е с т в а. Ну, лингвистические способности. Без них разведчик так же чувствует себя, как солист оперного театра без голоса, с той лишь разницей, что солиста в крайнем случае выгонят, а разведчика — накроют. Как сказано у поэта, не помню, какого (Уткина, что ли, или Гусева? У меня до войны была книжечка его стихов в синей обложке): «Жить, говорит, будете, петь — никогда!»

Очень жалею, что не пошел по стопам родителей: отец — физик, мать — врач, и все родственники-мужчины — физики, женщины — врачи. Но в сорок первом ушел в армию, потом вернулся, и мне отсоветовали заниматься физикой: вроде бы утрачен темп, как у шахматистов. Поздно! Вот и стал гуманитарием, если полагать мою нынешнюю профессию и не точной, и не естественной, да и вообще — наукой ли? В тюрьме, получив несметное количество лет, которых и пятерым бы хватило по горло (вот где по-настоящему потерян «темп!»), я решил зря время не тратить и написать теоретический труд по физике: хватилась! Если бы обмен не через четыре года, а позже, вернулся бы, чем черт не шутит, доктором физических наук, — а? Впрочем, я так устроен, что никогда не жалею об уже свершенном и не мечтаю попусту. Мои коллеги относят

меня тем не менее не к грубым реалистам, а к реалистам с «романтической прожилкой». Ошибаются? Нет?

В з г л я д. Зная, что мне предстоит быть «там» бизнесменом, я еще в Москве начал с «Капитала», весь его законспектировал и лишь «под пером» понял то, чего прежде, будучи студентом, совершенно не понимал. Другой прицел! Впрочем, с годик поработав в должности капиталиста-эксплуататора, я пришел к выводу (не уверен, что полностью совпадающему с официальным), что «Капитал» Маркса в практической деятельности бизнесмена помогает вряд ли больше книжечки Карнеги «Как завоевывать друзей...» (я, кажется, ее уже поминал). Не читали? Зря. Она хоть и примитивенькая, и по духу нам, как говорится, чужая, а все же, черт, весьма полезная для некоторых сфер человеческой деятельности, например, для бизнесменов (в первую очередь), литераторов, а также (не побоюсь этого слова) разведчиков! Я эту книжечку тоже законспектировал, основные ее положения...

Р а б о т а. Смысл добытых разведчиком сведений состоит в том, чтобы они попали в Центр. Тогда эти сведения становятся «разведывательными», в противном случае — пустыми. Наиболее важные данные можно передавать Центру по радию, причем иногда даже так: «Достал, ждите!» (Помните знаменитую телеграмму из анекдота: «Волнуйтесь, подробности письмом?»), а потом все же переправить по назначению. Особенно долго радию не эксплуатируют, минуты две—три, иначе могут засечь, тем более что Центр работает по старинке, обычным ламповым передатчиком; впрочем, ну, так запеленгуют Москву — ну и что? Важно, чтобы я остался «чистым». Когда для нас должна быть передача, Центр предварительно дает позывные на волне, согласованной заранее, а то ведь весь мир передает по пять знаков — ищи ветра в поле, если не условиться о волне! Прием мы осуществляем на слух, это нетрудно, поскольку передача ведется «тихоходным» ключом. А современные разведчики уже давно перешли на быстродействующие транзисторные радиостанции: один импульс — и вся передача! Попробуй запеленгуй. Я не знаю ни одного провала по этой причине. Пользуемся кодом и шифром. Шифр — это цифры и буквы, а код — «новый язык»: например, «болит голова» — значит, неприятность, «идет скорый поезд» — чрезвычайная готовность, «хорошая погода» — будет курьер; короче, как уговоримся заранее. Если противнику каким-то образом попадет в руки кодовая книжка, это конец. Сегодня чистым кодом пользуются редко, заменяют его шифром с элементами кода (смесью), иначе с помощью ЭВМ можно было бы быстро расшифровать: письменность «мая», и ту расшифровали. Кстати, если читать — дело секунд, то зашифровывать — адская работа, спасибо, уже облегчили жизнь разведчикам: придумали специальные шифровальные машины. Когда мы передаем в Центр телеграмму с по-

меткой «Цито!», мы уверены, что ее содержание будет доложено руководством немедленно.

К а ч е с т в а. Идеальный разведчик тот, кто умеет уходить от соблазнов. Вот мне, считайте, повезло с «крышей»: миллионер! А мой коллега, который ничуть не хуже меня, десять лет прожил за границей, работая консержером: каждый сочельник обходил жильцов, «проздравлял с праздничком» и получал свои чаевые. Чтобы хорошо и красиво поесть, он раз в год, испросив разрешение Центра, уезжал в другой город другой страны, надевал вместо рабочей блузы смокинг, шел в ресторан и обедал со стерлядкой «по-русски» и с креветками, чего не мог себе позволить, не вызвав подозрений, будучи консержером. Господи, не в креветках дело! Я о том говорю, что мне, миллионеру, роскошные обеды в отличие от моего коллеги есть приходилось каждый день и тоже, чтобы не вызвать подозрений: как говорится, судьба — индейка!

Но жил я на самом деле «по системе Станиславского». Что это значит в моем понимании? У меня было восемь автомашин разных марок, я ездил на бензине с октановым числом «100» (пять шиллингов за галлон), имел в пригороде Лондона виллу и несколько номеров в лучших отелях города, снятых «на постоянно»; впрочем, все это и было «по системе Станиславского», потому что на самом деле ничего этого у меня не было: ни виллы, ни восьми автомашин, ни капитала в несколько миллионов фунтов стерлингов, ни полутора дюжин вечерних костюмов, а был я рядовым и счастливым обладателем «Волги М-21» с оленем на капоте, двухкомнатной квартиры в Москве, правда, в высотном доме на площади Восстания, а также четырех сотен рублей, которые выдавали ежемесячно моей жене Гале.

Миллионерские соблазны (не скажу, чтобы у меня их не было, да и как могло не быть при владении такими немислимыми богатствами?) следовало, конечно, преодолевать. Не скрою: делать это было трудно, в условиях жестокого подполья вообще нелегко сохранять нравственное здоровье и духовную высоту. Я старался держать себя в руках, не поддаваться страстям и понимал, что умение носить маску, оставаясь при этом самим собой, и делает в конечном итоге разведчика профессионалом — в отличие от любителя, который сорвется на первом же повороте. Маска миллионера давала мне, казалось бы, право на роскошную жизнь, но я правом этим пользовался сдержанно и ровно настолько, чтобы не быть среди миллионеров белой вороной. И все же маска так прилипала ко мне, что грозила стать второй кожей, хотя вся моя человеческая и партийная суть восставали. Я и сейчас, вернувшись на Родину, не всегда могу ее снять, из-за чего у меня уже были и еще будут неприятности, но да бог с ними — не тема! А вас я серьезно прошу иметь в виду и предупреждаю: поскольку, даже разговаривая с вами, я иногда продолжаю играть миллионера сэра Лонгсдейла, делайте, когда почувствуете в этом необходимость, «поправку на маску».

Работа. Живая связь Центра с разведчиком осуществляется с помощью курьеров. Это посторонние люди, имеющие возможность регулярно бывать за границей: стюардессы, моряки торгового флота, музыканты, спортсмены. Впрочем, они постоянны для Центра, а для нас — разные, никого из них в лицо или по именам мы, как правило, не знаем. И вообще, в целях безопасности разведчик каждый раз встречается с курьером, во-первых, по специальному указанию Центра и, во-вторых, по новому (лучше сказать: свежему) паролю. Разумеется, курьер приходит на встречу не в форме стюардессы или боксера, а в обычной гражданской одежде.

Главный принцип: важная информация должна быть передана из рук в руки. Ловкости фокусника для этого не требуется, литераторы и кинематографисты тут явно перебарщивают, заставляя и курьера, и разведчика многократно озираться по сторонам, а в момент передачи свертков и пакетов смотреть один влево, другой вправо и делать вид, что они вообще друг друга не знают и встретились случайно, как споткнулись. Но именно такая, извините, «методика» как раз и способна привлечь постороннее внимание. Все делается много проще. Ведь люди, встречаясь на улицах, в парках, кафе или в метро, обыкновенно не оглядываются пугливо, если, конечно, у них не любовное свидание, и если они не опасаются ревнивых супругов: они спокойно здороваются, хлопают друг друга по плечам, иногда целуются, но не воротят физиономий, а дарят цветы, обмениваются книгами, рассматривают фотографии, хвастаются покупками, шушукуются, смеются и печалются, и никому до них нет дела, особенно за границей. Ну, а если за ними кто-то специально следит, им уже поздно маскировать свои отношения, маскироваться должен как раз следящий: поднимать воротник плаща, надвигать на лоб шляпу, поминутно оглядываться, «читать» газету, — вот тут кинематографисты могут «гулять», как им хочется. (Работникам кино и пера, наверное, от меня достается, но, во-первых, они, надеюсь, это обстоятельно переживут, а, во-вторых, достается отнюдь не по злобе, я этот хороший народ уважаю, а по праву, узурпированному мною, как узким специалистом, считающим для себя не только возможным, но и законным такое вмешательство в чужие дела во имя якобы охраны «чистоты» своего жанра.) Так вот, встречаясь с курьерами, мы ведем себя просто и естественно, а если оглядываемся, то после встречи, чтобы уйти от слежки, когда она нами зафиксирована.

Впрочем, если разведчик попадает «под колпак» (мы еще говорим: «садится на мушку»), ему уже мало что способно помочь, так как против него, кроме Скотленд-Ярда, начинают работать даже невинные дети. Играя, они запоминают, к примеру, номера автомашин: кто больше? Потом их спрашивают: вы не видели в Бирмингеме машину с лондонским номером? Видели! И диктуют ваш номер, как бы вы ни осторожничали, проезжая мимо. К слову сказать, дети по природе своей лучшие контрразведчики!

Психология. Я примерно знаю, что вы о нас думаете: божь, как они одиноки! Из чего вы исходите? Одиночество — удел преследуемых людей, и нас вы относите к их числу. Вы даже убеждены, что в случае провала иные страны списывают разведчиков со своих счетов, не всегда имея возможность признать их «своими», чтобы затем обменять. Это я ваши мысли цитировал, теперь свои: обменивают нас, обменивают, и «своими» признают! И я тому классический пример...

А В Т О Р:

Эпизод (из беседы). У меня было несколько, как я понимаю теперь, наивных просьб, в ответ на которые Ведущий недоуменно пожимал плечами, а Лонгсдейл и его коллеги отшучивались. Так, однажды я попросил, чтобы «для полноты ощущений» меня познакомили с «любимым» — оценили? — арестованным у нас американским или английским шпионом, которому я мог бы задавать вопросы, связанные с психологией провалившегося разведчика. Ведущий, как я сказал, был в некотором недоумении, а Конон Трофимович под дружный смех присутствующих произнес: «Во-первых, ими занимается другой отдел, не наш, а во-вторых, откуда мы возьмем для вас шпионов, если сегодня, слава богу, не тридцать седьмой год!»

Провал. Сцену ареста Лонгсдейла я видел в английском художественном фильме, ему посвященном. В роли советского разведчика был актер, внешне похожий на Конона Трофимовича: скуластое лицо, восточные глаза, небольшая по габаритам фигура, аккуратно сидящий костюм, стрижка бобриком. По фильму, Лонгсдейл сидит в парке на скамейке, вокруг тихо и пусто, к нему подсаживается агент, и в то мгновение, когда они обмениваются свертками, из всех кустов появляются полицейские и люди в штатском, одновременно человек пятьдесят, и кидаются к Лонгсдейлу. Немедленно встав со скамейки и протянув вперед руки, Лонгсдейл спокойно говорит офицеру, надевающему ему наручники: «Прошу вас отметить в протоколе, что я не оказал сопротивления при аресте». Голос за кадром: «Благодаря этому обстоятельству он получил потом на десять лет меньше того, что мог бы получить...»

Фильм мы смотрели вдвоем, Конон Трофимович комментировал. Про сцену ареста сказал, что снято довольно близко к истине. Потом добавил: когда на него надели наручники и обыскали, нет ли оружия, он заметил, что один полицейский зорко следит за тем, чтобы арестованный не проглотил ампулу с цианистым калием (вероятно, по нашумевшей ленте «Пять секунд, и я умираю!»). «Мне казалось, — продолжал Конон Трофимович, — что все это не со мной происходит, какой-то кошмар! Я бы сказал: как в кино! Хотя и понимаю, что степень реальности происходящего зависит от когда-то избранного амплуа. Поясню. Ни страха, ни волнения я не испытывал. Кто-то из полицейских, держа мои

руки в своих, явно считал мой пульс и до того был поражен спокойным ритмом, что вытаращил на меня глаза. Тогда я спросил его: «Вы врач?» Он ответил: «Мы везем вас в Скотленд-Ярд, вы это понимаете?» Куда меня повезут, я знал еще двенадцать лет назад!..

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Пр о в а л. В тюрьме мне казалось, что тюрьма ненастоящая, просто кошмарный сон, и мне нужно как можно быстрее проснуться. У каждого разведчика, живущего за границей долго, позвольте заметить, должна быть отдушина, какое-то увлечение: теннис, рисование, шахматы, коммерция, — чтобы не думать постоянно о том, что ждет впереди. Как солдат, сидя в окопе, привыкает к мысли о возможной гибели, так и разведчик всегда сознает опасность, но если солдат и разведчик — разумные люди, они не позволяют этому сознанию овладеть ими, в противном случае нервы, не выдерживая напряжения, начинают преувеличивать опасность. Страх? Нет, я не о нем, поскольку существует, мне кажется, такой парадокс: настоящая опасность парализует страх! Страшно «до» и «после», но в самый момент — никогда. Я эту мысль не буду расшифровывать, в нее надо просто вдуматься. И еще: хладнокровных людей, наверное, вообще не бывает, а если они и есть, то — роботы, ремесленники. А разведчик — личность творческая, ему все интересно: и поиск, и даже провал. Азарт! — как у физика, работающего над открытием, как у шахматиста, который рассчитывает комбинацию, как у охотника, идущего по следу жертвы, и даже как у жертвы, уходящей от охотника... Великие Мата Хари и Блейк были больше игроками, исследователями, чем шпионами, уныло и механически исполняющими свои обязанности.

К а ч е с т в а. По отношению к нейтральным знакомствам и связям разведчик должен быть нормальным человеком. Я им был: бизнесмен, который почти не интересуется политикой и делает деньги, — ни коммунизм, ни фашизм мне «ни к чему». В итоге: говорить «против» у меня никогда нужды не было, и тостов с бокалом в руке, как Кадочников в «Подвиге разведчика», за н а ш у победу я тоже публично не произносил. Потому, повторяю, что у меня было амплуа нормального человека.

О д н а ж д ы. По делам фирмы мне выпала поездка на трое суток в Ленинград. Получив санкцию «Первого», мои коллеги преподнесли мне царский подарок: привезли из Москвы жену. Кстати, ни мать, ни сестра, ни Галя не знали, где я работаю и кем. По легенде, которая была «для дома, для семьи», я в качестве научного сотрудника находился на Востоке, мои письма домой шли через Китай, а если соседи или дальние родственники спрашивали Галю «с подозрением», почему это я так долго в командировке без жены и детей, Галя, умница, отвечала, что из-за аллергии климат для нее в Китае неподходящий. Представьте, верили!

И вот мы с Галей в Ленинграде. Встречу нам устроили, «как в кино» — в кафе на Невском, в котором танцуют. Стало быть, с музыкой. Я пришел. Они уже сидят. Подхожу к моему коллеге, который сопровождает Галину в качестве ее «партнера», пожираю жену глазами и с трепещущим сердцем прошу, как и положено, у него разрешения потанцевать с «вашей дамой». И он, бандит, мне отказал! Как я удержался и не врзал ему бутылкой по башке, не знаю (хороши «шуточки»). Потом мы сделали с Галей два полных круга, она спросила про погоду в Китае, я, как идиот, почему-то поблагодарил: спасибо, хорошая, — и только потом, через много лет, когда я, обмененный, вернулся домой, мы с ней сообразили, что играли в том кафе не вальс, а танго «Брызги шампанского». Она впервые серьезно заподозрила тогда, что я вовсе не на Востоке и не научный сотрудник, но промолчала, как умеют молчать жены разведчиков, я бы сказал, подправляя мысль: настоящие жены разведчиков.

Портрет. Теперь, когда я стал более или менее доступен штатским людям, меня, словно кинозвезду, просят «чего-нибудь» рассказать: вызываю, понимаете ли, интерес! Обычно я говорю: такой кнопки, чтобы нажать, и поехало, у меня, извините, нету, а мне, уважаемые товарищи, необходимо вдохновение, автоматом не получается. Но скажу вам откровенно: разведчик не может работать, если не владеет искусством рассказа, я бы даже сказал, — искусством руководить беседой. Я по натуре человек общительный, потому что из простой, хоть и интеллигентной семьи. Без комплексов. Ни врагов, ни неприятелей мне, как разведчику, иметь не положено, и я их не имею! По крайней мере откровенных. Уживчивость — главная черта моего характера. Там. Иначе какой получился бы из меня работник? Хочу не хочу, а «дружу» со многими. Но здесь — другое дело, и здесь я другой.

Провал. Такая вот «мелочь»: англичане пьют пиво, как у нас пьют квас. Я лично пиво не терплю, но отказаться от него никак невозможно; если у нас в Союзе кто-то упорно отказывается от кваса, можете не сомневаться: шпион! В компании, во время ленча, выпить пива, поиграть в кегли или в «перышки» не считается грехом; я тоже играл, и тоже пил, — а что делать? Причем пил по классическому «английскому» образцу, мешая сорта пива, чаще всего черное со светлым. И, представьте, привык. У меня теперь довольно много чужих привычек. Например, здороваясь, я, как и все англичане, слова приветствия произношу, но руки не протягиваю и не жму протянутую мне: кто в Англии протянул, тот чужой! А если приходится считать на пальцах, то не загибаю их, как дома, а, наоборот разгибаю, как делают во всей Европе.

Провал. Подходит, представьте, человек к бару, заказывает двойной виски и вдруг «ахает» одним глотком, — что дальше? Может «гасить свечи», потому, что все, в том числе, конечно, бармен, молча на него уставятся: он же русский! Казалось бы, тоже мелочь...

А В Т О Р:

Э п и з о д (из беседы с полковником А.). На мое восклицание: «Вы совершенно не похожи на разведчика!» А. удовлетворенно сказал: «И славу богу. Был бы похож, меня на эту работу не пригласили бы, потому что т а м прихлопнули бы на вторые сутки. И что интересно: все мы не только на шпионов непохожие, но при этом еще очень разные, в противном случае нас, как селедку, ловили бы сетями». Я знал, что полковника А. провалил его первый помощник Х. — прочитал об этом в книге Д. Донована, крупного американского юриста и общественного деятеля, который был адвокатом А. на суде.

К а ч е с т в а. Когда резиденту присылают помощника, который оказывается слабым работником, или пьяницей, или просто дураком, резидент не может какое-то время возразить против него, так как перечисленные качества столь маловероятны для разведчика, что резидент скорее подумает, будто они часть легенды и помощник так ведет себя, чтобы сбить с толку противника.

Помощник у А. (кстати, его воинское звание — подполковник) был именно таким человеком. В книге «Люди на мосту», опубликованной в США уже после процесса над А. и его обмена, Д. Донован написал о подполковнике Х.: «Если Х. был шпионом, то он, безусловно, войдет в историю как самый ленивый, неудачливый и неэффективный шпион, когда-либо направлявшийся для выполнения задания». Я, конечно, спросил у Ведущего, почему вдруг Центр, известный своей «привередливостью», прислал А. такой подарок. Ведущий в ответ пожал плечами: мол, и на старушку бывает проруха, не ошибаются только полные бездельники...

Провал. Когда Х. влюбился в американку (Центр употребляет в таких случаях иную терминологию: «спутался»), стал тратить на нее большие деньги, предназначенные на совершенно другие цели, а в довершение к этому несколько раз пропадал из поля зрения резидента на два-три дня, что категорически Центром запрещено, А. наконец сделал запрос: почему его не предупредили заранее, что помощник будет с такой странной легендой? Надо сказать, А. был человеком терпеливым и глубоко порядочным: он плохо думал о людях только тогда, когда думать иначе уже было невозможно. Центр, всполошившись, немедленно отозвал Х., но в спешке сделал это грубо, не прикрыв вызов каким-ни-

будь «совещанием». Заподозрив неладное, Х. все же вылетел в Москву. Перед отлетом он занес резиденту коротковолновый приемник, причем А. сам разрешил ему принести чемоданчик в номер гостиницы «Латам», 4-я Ист, 28-я улица Манхэттена, Нью-Йорк, где жил в ту пору. Вообще-то адрес резидента никому из помощников неизвестен, не знал его и Х., но А., к сожалению, закон нарушил. Почему? «Вероятно, по тому подлому правилу, — ответил А., — по которому одна ошибка влечет за собой другую...» В Берлине, пересаживаясь с самолета «Люфтганзы» на машину Аэрофлота, Х. принял решение: он уехал с аэродрома прямо в американское посольство, сдался и заплатил за свою жизнь резидентом А., которого через два часа арестовали в злополучном номере «Латам».

К а ч е с т в а. Полковник А. был человеком многогранного таланта: в совершенстве владел шестью языками и специальностью инженера-электронщика, был хорошо знаком с ядерной физикой, химией, математикой; много лет прожив в США, имел в качестве «крыши» фирму, весьма процветающую на приеме заказов на изобретения, причем был и техническим, и научным «мозгом» фирмы. Кроме того, А. замечательно рисовал, что позволило ему открыть в Нью-Йорке художественный салон, был музыкантом и отменным шифровальщиком. «Я хотел бы, — сказал после процесса над А. руководитель ЦРУ Аллен Даллес, — чтобы мы имели в Москве сегодня хотя бы трех-четырёх таких агентов, как полковник А., тогда мы взяли бы Россию за сутки и без единого выстрела». В книге «Как работает американская секретная служба...» И. Енсен писал, что процесс против А. интересен и с той точки зрения, что общественное мнение было почти единодушно на стороне А., хотя вина его установлена вне всякого сомнения, а психоз шпионажа был на грани истерии. Вся жизнь А. и все его существование зиждились на твердом фундаменте самодисциплины и самоотречения. Про А. говорили: он работает так, что первая его ошибка, как у минера, могла стать единственной и последней, что, собственно, и случилось.

П о р т р е т. Человек с внешностью А. мог быть по профессии бухгалтером, стоматологом, литератором (причем не поэтом, а именно прозаиком), дамским портным, смотрителем в музее, но никогда — разведчиком! Представьте: венчик седых волос вокруг большой и умной лысины, густые черные (крашенные?) брови, на плечах много перхоти, уныло зависший над губами нос, кожаные налокотники, подчеркивающие «мирный» характер его профессии, глаза как бы задернуты старческой мутной пленочкой-занавеской. И ничего «выдающегося», никаких особых примет. Классический вариант шпиона, незаметного в толпе, если, конечно, подобное тотальное отсутствие примет уже не есть «особая

примета! Но иногда, что-то рассказывая, полковник легким движением руки отодвигал в сторону занавеску, и в его глазах мгновенно появлялась жизнь, а с нею и мысль — яркая, острая, озорная. Глядя на А., я терялся в предположениях, кто он по национальности? Ломать голову не имело смысла, потому что А. мог быть кем угодно, от датчанина до испанца. Не удержавшись, я задал ему вопрос о его национальности. Он улыбнулся одними уголками рта: «Мой адвокат считал меня немцем». И поставил очень большую точку, тут же задержав на глазах занавесочку и тем самым лишив меня возможности переспрашивать и уточнять: мол, Донован считал немцем, а вы можете думать, как вам угодно, мне это не интересно. Я прикинул, и у меня получилось, что полковника следует относить к числу иудеев: чернота бровей — раз (если они, конечно, не подкрашены), загнутый книзу нос — два, а главное — манера упоминать евреев, если по ходу рассказа появляется надобность перечислить несколько национальностей, что характерно, мне кажется, как раз для комплексующих иудеев (или истинных интернационалистов?). Например: «В ресторане «Ланди» на Шипсхед-бей в Нью-Йорке, где можно получить ведро моллюсков, приготовленных на пару, и вареного омара, кого только не увидишь в уик-энд: и армян, и французов, и русских, англичан, итальянцев, евреев!» Или: «На «Куин Мэри» был у меня в попутчиках целый «интернационал»: испанцы, турки, шведы, англичане, евреи, один белорус, нигериец, японец и представители еще десятка каких-то национальностей!»

Д Ж Е Й М С Д О Н О В А Н:

П р и л о ж е н и е № 3 (из книги «Люди на мосту»). Полковник А. так вел в разведывательную службу своей страны, что не допускал даже мысли о возможной присылке ему столь ненадежного и некомпетентного помощника, как Х. Вот факторы, приведшие Х. к измене: пьянство, блондинка, беззаботное отношение к деньгам, склонность влезать в долги. Известно, что агент, перешедший на сторону противника, может представлять для него гораздо большую ценность, чем агент собственный.

Наблюдение за номером отеля, в котором жил А., велось из окна дома напротив (№ 252 по Фултон-стрит), с пятого этажа, при помощи бинокля (10/50, — дает десятикратное увеличение и имеет линзы диаметром пятьдесят миллиметров).

Как профессиональный боец, А. ожидал, что с ним после ареста будут обращаться по-настоящему грубо. Но сотрудники ФБР сразу предложили ему свободу и работу в контрразведке США с окладом в десять тысяч долларов, с хорошей едой, напитками, с отдельным кабинетом, оборудованным кондиционером, и были уверены, что устоять против такого соблазна трудно. Мне тоже казалось,

что полковник А. мог быть ФБР «получен». «Они считают всех нас продажными тварями, которых можно купить», — сказал мне А. Позже он заявил, что ни при каких обстоятельствах не пойдет на сотрудничество с правительством США и не сделает для спасения своей жизни ничего такого, что может нанести ущерб его стране.

А. — культурный человек, великолепно подготовленный как для той работы, которой он занимался, так и для любой другой. Он был на редкость своеобразной личностью. Его снedaла постоянная потребность в духовной пище, естественная каждому образованному человеку. Он жаждал общения с людьми и обмена мыслями. Находясь в федеральной тюрьме Нью-Йорка, он даже стал учить французскому языку своего соседа по камере, полуграмотного бандита... Как человека, полковника А. просто нельзя не любить.

Отрывки из писем жены полковника А.: «Мы получили посылку в мае и очень благодарны тебе за нее. Твои подарки нам очень понравились. Мы высадили уцелевшие гиацинты, и три цветка уже дали ростки». Из другого письма: «Я смотрю на цветы и все жду, жду, жду и верю, что мы будем скоро вместе и что ты больше никогда не захочешь покинуть нас. Мы с дочерью имеем все, кроме тебя. Попытайся сделать так, чтобы не отсрочить нашей встречи. Годы и возраст не ждут». И еще отрывок: «Наша жизнь — постоянное ожидание. Мы отметили день твоего рождения, я испекла пирог с черной смородиной и кремом, который ты любишь...» Еще: «В отношении квартиры еще не ясно. Хотелось бы трехкомнатную, но, говорят, больше, чем на две, рассчитывать нельзя». Последнее письмо жены: «Если бы сказали кому-нибудь постороннему, что муж и жена могут жить не вместе так долго, так много лет и все же любить друг друга и ждать встречи, он не поверил бы, такое можно встретить только в романах». Письма жены шли длинным путем. Их переснимали на микроплентку, и, прежде чем они попадали в тайник на Проспект-парке, проходили недели и даже месяцы. Последнее письмо жены нашло адресата уже в тюрьме.

Знаменитый Натан Хейль был казнен в Англии за шпионаж в пользу США, но и англичане уважали его, и американцы до сих пор чтут его память, поставив Хейлю по всей стране множество памятников.

В Е Д У Щ И Й:

С ю ж е т (продолжение). В начале пятидесятых США усиливают против нас научно-технический шпионаж с привлечением ученых, туристов и даже спортсменов. Понятное дело, мы не можем закрывать на это глаза. И вот Центр ставит перед вашим героем задачу: установить, откуда «плетутся нити», как написали бы наши журналисты-международники, и собрать затем информацию об основной методике противника. Впрочем, откуда что «плетется», мы и так знаем: из-под Вашингтона,

где обосновалось ЦРУ. Проникнуть туда, естественно, трудно: режим строжайшей конспирации, круглосуточная охрана здания, слежка за собственными сотрудниками. Да у Л., собственно, немного другая задача: найти конкретных исполнителей крупномасштабного заговора против СССР. Он настойчиво прокладывает к ним пути, сначала вслепую, пытаясь наладить контакты с учеными, которые могут быть использованы против нас с целью шпионажа; это, разумеется, «невод на авось», который далек от конечной цели.

И вдруг происходит событие, дающее нам в руки «хвостик»: в Дубне под Москвой задерживают с поличным молодого американца-физика и в ходе следствия выясняют, кто его вербовал, инструктировал, какие ставил задачи, какой снабжал разведывательной техникой и, кроме того, где все это делалось. Так Л. «выходит» на двух сотрудников Центрального разведывательного управления, для которых было создано специальное «бюро» при Колумбийском университете, к слову сказать, превращавшегося в основного поставщика научных «кадров» для ЦРУ. География, таким образом, определилась. Л. надлежало теперь подобрать ключи к этому таинственному «бюро» (сначала в переносном смысле, то есть глаза и уши), а затем и в прямом: с настоящими ключами проникнуть в сейфы черешушников.

Ваш герой, получив задание Центра, перебирается из Канады в Нью-Йорк. Визу на въезд дает американское консульство в Торонто, а каким образом дает — вопрос из «другой оперы». Факт тот, что виза есть. Л. проходит таможенный контроль, причем таможенники, не стесняясь, проверяют в открытую: кроме вещей, в которых они роются в надежде найти наркотики (впрочем, теперь они имеют на этот случай специально натасканных собак), еще делают телефонный запрос его родным и знакомым, живущим в Торонто (которых у него, как вы понимаете, именно в Торонто предостаточно!), потом запрашивают об Л. иммиграционные власти, но, так как все это предусматривалось нашим Центром, через несколько часов Л. свободен. Однако понятие «свобода» для разведчика понятие относительное. Так, Центром заранее определено, что Л. останавливается в отеле «Нью-Йоркер», а затем, через двое суток, едет в Вашингтон на встречу с резидентом, чтобы обсудить детали предстоящей операции и, как говорят архитекторы, «привязать» ее к месту. Кроме того, просто познакомиться. Причем Л. волнуется, поскольку резидент — человек легендарный, ваш герой достаточно наслышан о нем. Пока он «волнуется», попросим вас, Варлам Афанасьевич...

Приложение № 4 (из справки Варлама Афанасьевича). Отель «Нью-Йоркер»? Сорок этажей, расположен недалеко от Центральной пристани на углу 8-й авеню и 33-й улицы Манхэттена. Здесь обычно останавливаются торговые люди: продавцы и покупатели. Номер стоит от 6 до 50 долларов в сут-

ки. Жить в отеле можно постоянно, только плати, он так и называется: «резиденсел» (для резидентов! Шутка). Семидолларовый номер: девять квадратных метров, ванная — уголочек, туалет и того меньше, но телевизор, тумбочка у кровати, стеной шкаф. Если номер девятидолларовый, разница одна: вместо кровати диван. С незнакомым человеком поселить не могут категорически, «двойные» номера только для супругов. Когда вы подъезжаете к отелю, парень лет восемнадцати («бой») тащит ваш чемодан из автобуса или такси. В вестибюле на ваш вопрос, есть ли номера, администратор вежливо отвечает: вам в какую цену и на какой срок? В карточку заносится ваша фамилия и постоянный адрес (разумеется, со слов). Документов не просят. Паспортной системы в смысле пользования паспортом в США нет, нет и «прописки».

Скоростным лифтом можно доехать в отеле до нужного вам этажа без промежуточных остановок. Лифтами управляют девушки в униформе. Никаких дежурных на этажах в «Нью-Йоркере» нет, у входа вы можете ключ никому не оставлять, но все оставляют (либо у «боев», либо внизу у администратора), потому что владелец отеля остроумно соединил ключи с огромными набалдашниками, которые, если и положишь в карман, то не иначе, как средство для самозащиты. При отеле есть врач. Кроме того, «Нью-Йоркер» располагает собственными детективами (от краж), но если детектив связан с мафией, что вполне вероятно, он становится наводником на богатых гостей, и тогда правильнее говорить: не «от», а «для» краж.

С ю ж е т (продолжение). Ваш герой выезжает в Вашингтон, где встречается с резидентом, а затем приступает к осуществлению операции. Сначала он знакомится с молодым физиком — испанцем, занимающимся в одной из лабораторий Колумбийского университета, назову его Мигелем. Без особых сложностей Л. удается завербовать Мигеля, который, приехав в Штаты, прошел унизительную проверку на благонадежность по линии ФБР: родители Мигеля сражались против Франко в Испании в 1935 году, после поражения революции были интернированы во Францию, а уже оттуда попали с сыном в США. С помощью Мигеля, человека общительного, Л. собирает кое-какие сведения о сотрудниках ЦРУ, обосновавшихся в таинственном «бюро» при университете: каковы их привычки, сильные и слабые стороны характера, заработок и т. д. Мигель становится активным помощником Л., но его рвения все же мало для задуманной операции. Нужен человек не только с желаниями, но и с возможностями.

Тогда Л., как и было обусловлено, подключает к делу Ганса, находящегося, как вы знаете, тоже в Америке. Ганс вербует еще одного человека: это крупный биолог, обладающий в США «именем», преподаватель университета, но убеждениям космополит. Назову его Симоном Крафтом (кстати, он соотечественник Ганса). В ненавязчивой форме доктор Крафт предлагает свои услуги цереушникам из «бюро», они клюют

на его удочку, тем более Крафту в скором времени предстоит поездка в Тбилиси на международный форум по молекулярной биологии. Крафт становится частым гостем «бюро», где проходит инструктаж и получает шпионскую экипировку. При этом ему удастся незаметно снять слепок с ключей от сейфа, в котором, по-видимому, хранятся важные документы, содержащие сведения о лицах, подготовленных или проходящих подготовку для шпионажа против СССР и стран Варшавского Договора.

В решающий момент у Крафта сдают нервы, но положение спасает страхующий его Ганс, человек, не теряющий самообладания. Операция завершается передачей Центру фотокопий документов, дающих возможность скомпрометировать всю программу американского ЦРУ по использованию ученых в научно-техническом шпионаже. После этого Л. возвращается в Канаду с прицелом на последующий переезд в Англию, а Ганс вскоре командировается «своим» ведомством, то есть ЦРУ, в Японию. Резидент по заданию Центра сохраняет «остатки» группы для выполнения в будущем других операций. Все участники не остаются без поощрений, а Л. получает личную благодарность Председателя.

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Легенда. В 1927 году в Канаде во время наводнения погибла семья: муж, жена и грудной ребенок. В местной газете по этому печальному поводу было дано объявление, которое и нашли мои коллеги. Факт, кроме того, был проверен в регистрационных документах мэрии, а затем стал основанием для разработки вполне достоверной легенды: родители действительно погибли, а ребенок остался жив! Если учесть, что в Канаде дети официально регистрируются и получают имена лишь по достижении одного года, чем я не тот ребенок? Меня, грудного, подобрала посторонние люди, увезли в Австралию, откуда были родом, там и воспитывали вдали от недобрых глаз до восемнадцати лет, а потом рассказали, что я им чужой, и благородно отпустили на все четыре стороны, дав прилично денег, которые, кстати, и легли в фундамент моей коммерческой деятельности. Назвать имена моих замечательных спасителей нельзя, иначе кто-то разбередит их незаживающие раны. Я же, как истинный уроженец Канады, хочу получить официальное признание моего гражданства, жаль только, что мои канадские родственники, дядя по матери и две тети по отцу, не «помнят» меня грудным, а потому не могут официально засвидетельствовать перед лицом закона, что я — это я. Ну, плохо? Всего одно слабое местечко: мои спасители — австралийцы! Но какой разведчик имел когда-нибудь железобетонную легенду? Все мы ходили и ходим по острию ножа...

Работа. Агенту обычно не говорят, кто его резидент и даже на какую страну он работает: всячески ограждают от «ненужных» сведений. Отношения строятся по принципу обыкновенной купли-продажи, провозглашенному еще в «Двенадцати таблицах» и в Римском праве. Помощник, встречаясь с шефом и передавая ему информацию, должен думать, что имеет дело с таким же рядовым агентом, как и он сам. Но если помощник по каким-то причинам вдруг прекращает работу, такого рода отходы тоже предусматриваются резидентом: требуется «последняя встреча», во время которой бывшему агенту во избежание худшего рельефно обрисовывается его перспектива на тот случай, если он выдаст или ненароком проговорится об имевшей место связи. И как бы душа резидента ни восставала против угроз и тем более их реализации, что поделаешь? Не проваливать же сеть, с таким трудом созданную и так дорого стоящую!

Крыша. Мы очень близки по специфике к журналистам. Например, может ли журналист без согласования с руководством продлить командировку, изменить ее маршрут или цель? Мы — тоже: разрешения нам, возможно, и не обязательно спрашивать, но информировать Центр мы должны непременно. О задержке с отъездом, о прибытии раньше времени, о передаче и получении информации, о любых изменениях в нашей жизни — о каждом, по сути, шаге! Впрочем, если кто-то приглашает вас на пикник или в театр на премьеру, молниировать об этом в Центр не обязательно. Я к чему? На основании собственного опыта и опыта моих коллег я давно пришел к выводу, что наилучшим прикрытием для разведчика может быть профессия журналиста. Во-первых, журналист — странствующий рыцарь, «свободное копые»: его передвижения в пространстве не поддаются контролю и не вызывают подозрений, так как органичны профессии. Во-вторых, трудно, если вообще возможно, учитывать его доходы и их источники. В-третьих, журналист раскован: может обращаться к кому угодно и когда угодно, он «и с угольщиками, и с королями», бывает в трущобах и в высшем обществе, при этом способен принимать любую окраску — надевать, как говорится, «шинель» солдата, бизнесмена, шофера такси, чтобы иметь дело с военными, бизнесменами, дипломатами и рабочим классом. Наконец, уходить в случае неприятностей тоже легко: журналист просто растворяется в воздухе, не оставляя после себя следов (уехал в Абиссинию, в действующую армию во Вьетнам, на велосипедные соревнования «Тур де Франс», на корриду в Испанию, в путешествие по Средиземному морю в обществе знакомого миллионера на его же яхте), ищи ветра в поле!

Первой древнейшей профессией была, как известно, проституция. А второй? Вы, конечно, будете утверждать, что журналистика? Допустим. Спорить не стану. Пусть будет так, но, если вы сошлетесь в качест-

ве доказательства на Ветхий Завет, в котором все это будто бы описано, я задам вам только один вопрос: а кто написал Ветхий Завет? Отвечаю: разведчик! Да-с. Это было первое донесение разведчика Божественному Центру!

Пр о в а л. Помню весьма неприятную историю, происшедшую на моих глазах. Когда я был в американской школе разведки, в Швейцарии, недалеко от Базеля, мы, небольшая группа курсантов в количестве десяти человек, отправились на пикник. На озеро. Среди нас были три англичанина, два американца, один немец, датчанин, два ирландца и я, «канадец». Постелили на травку покрывало, сделали «стол», выпили и решили искупаться. И вдруг «датчанин», первым раздевшись, с берега кинулся в воду, нырнул, довольно далеко вынырнул и поплыл, представьте себе, размашистыми саженками, хлопая ладонями по воде. Так только в России плавают. И больше нигде в мире, где разные кроли, брассы, баттерфляй и т. д. Мы все стояли на берегу, смотрели, не произносили ни слова, ведь не только я один понял. Больше «датчанина» я никогда в своей жизни не видел и даже здесь, в Центре, спрашивать о его судьбе не хочу, мы у Центра мало о чем спрашиваем.

«К р ы ш а». Моей «крышей» в прямом и переносном смысле слова были четыре фирмы, «по продаже автоматов по продаже» — такое у них длинное название. Понятно? Мои автоматы торговали тетрадами, водой, вином, фломастерами, бутербродами, аспирином — что только не помещалось в их прожорливом чреве! Могу объяснить устройство и назначение автоматов подробнее и яснее — только зачем вам засорять свои мозги? Важно другое: мои фирмы были рентабельны и давали прибыль, между прочим, задолго до нашего знаменитого правительственного постановления, которым акцентировалось внимание хозяйственников на необходимости добиваться рентабельности. Скажу вам прямо: «акцентировать» мое внимание нужды не было, я бы просто вылетел в трубу, не будь мои фирмы рентабельны. Разумеется, мне в них не принадлежала ни одна гиней: капитал был ровно настолько моим, насколько и вашим, советским. Я трудился в поте лица, потому что знал: доходы идут не гнусному капиталишке (мне, например), а моему народу. Сказал я эти слова с патетикой, но вы уж простите: когда речь идет о миллионах фунтов стерлингов, можно и подбавить восклицательных знаков: хуже, когда их ставят, а вся, извините, задница голая.

П о р т р е т. Отношу себя к людям везучим, хотя бы потому, что оказался в числе ничтожных процентов, которые уцелели в войну «от моего года». Может, по причине этой везучести и в тюрьме я провел не слишком долго, всего пять лет: обменяли. А когда выносили приговор,

я почувствовал только, что меня обманули: дали двадцать пять, хотя обвинитель «просил» семнадцать!

Р а б о т а. Вербовать агента — дело чрезвычайно сложное: надо тщательно обезопаситься. Часто человек, имеющий доступ к закрытой информации, может работать одновременно на несколько разведок, и именно такой «кадр» — лакомый кусочек для разведчика. Но надо перевербовать, а это лезвие бритвы: в любой момент может «заложить». Я лично предпочитал вербовать на идеологической основе, и таких людей предостаточно, но надо их искать, найдя — изучать (мы говорим: разрабатывать), а уж потом и вербовать. К сожалению, основа может быть и другая: меркантильная, любовная (если речь о женщине), националистическая, а от основы, кроме качества работы агента, зависит и его устойчивость, надежность. Бывает, что с болью в сердце приходится отказываться от очень хороших агентов, имеющих допуск к очень важной информации, — почему? Если, например, агент оказывается или становится алкоголиком или если он по природе болтлив, тогда надо делать немедленно «золотое рукопожатие», то есть прощаться. Вообще-то таких агентов другие разведки «убирают»: они либо откровенно продают, либо, бывает, идут на шантаж в надежде заработать еще больше.

ПОЛКОВНИК А.:

Судьба. Я знал одного русского, который в силу сложившихся жизненных обстоятельств стал курсантом, а потом и преподавателем американской разведшколы в Швейцарии, в Альпах. Он был из тех, которые мучаются, не могут твердо определиться, то есть лишены убеждений: как правило, это хороший народ, совестливый, но слабый и путанный, точнее сказать, запутавшийся. Нам удалось его перевербовать, предложив ему самое опасное: «двойную игру». Он согласился и вскоре выдал нам группу, которую довольно тщательно готовили для заброски в СССР (из «бывших» русских); он сам с этой группой готовился два долгих года, но уж больно тяготился тем, что предал Родину. Потом он тяготился уже тем, что предал товарищей, с которыми делил тяготы и радости учебы. Такие, как он, я это прекрасно знал, долго не живут. Совесть в нашей работе, конечно, нужна, но какая-нибудь «односторонняя»: либо в ту сторону казнить, либо в эту.

Повесился. Хорошо, записки не оставил. Ни нам, ни им.

О д н а ж д ы. В начале 20-х годов я оказался в числе тех, из кого состоял первый (мы всегда добавляли: славный и легендарный!) выпуск нашей разведшколы. Не исключаю, что я вообще был первым советским разведчиком, заброшенным за границу. А учили нас, между прочим, четыре года — по полной программе, без торопливости. Что касается за-

броса, то он осуществлялся в ту пору проще простого: мне сделали документы, посадили в поезд, который шел из Москвы в Польшу, а в Варшаве я, не выходя из здания вокзала, пересел на поезд Варшава — Гамбург, который и был местом моего назначения. Цель: найти в Германии старую русскую агентуру, работавшую еще на царя-батюшку и затаившуюся после революции в ожидании «дальнейших инструкций». Вот я и вез эти «инструкции» в надежде склонить их работать на молодую Советскую республику. Идея была неплохая, но и не легкая, как может показаться кому-нибудь с первого взгляда. У меня было с десяток явок, а остальные пятьсот с лишним адресов мне должны были подослать из Москвы, если я смогу закрепиться на «плацдарме»; пусть вас не удивляют такие могучие цифры агентуры, русская разведка всегда брала количеством, это общеизвестно. На «качество» мы перешли только после революции и то вынужденно: нужны годы, чтобы готовить разведчиков, поскольку эта работа все-таки «штучная» — стало быть, лучше меньше да лучше!

Итак, Гамбург. Замечу, что я прекрасно владел немецким языком, даже несколькими его диалектами, отлично знал город с его достопримечательностями и расположением улиц, имел довольно приличную легенду, что еще надо? Был 1924 год. С вокзальной площади, добравшись до нее без приключений, я сразу направился по первому адресу, выбирая кратчайший путь: одной «знакомой» улицей вышел к порту, другой свернул к ратуше, и вот я в тихом и чистеньком переулке, где должен жить мой первый «клиент». Тут-то и произошло то, из-за чего я, собственно, открыл рот.

Представьте: раннее утро. Ни души. Иду по сонному переулку, рассматриваю нужный мне номер дома. Навстречу движется издалека какой-то человек в кожаной кепке с большим козырьком, эта кепка — единственное, что я запомнил. Вдруг, поравнявшись со мной, он меня спрашивает. «Слушай, — говорит, — ты не знаешь, где тут можно поспать?» — «Чего?!» Он повторяет вопрос. «Да зайди, — говорю, — хоть в ту или эту подворотню». Он исчезает в подворотне, и только тогда я понимаю, что он спросил меня по-русски и я по-русски же ему ответил! Ну, думаю, все: провал. И это называется первый советский шпион! Окончил с похвальной грамотой! И — всего полчаса в Гамбурге! Возвращаюсь на вокзальную площадь, сажусь на скамеечку, ставлю у ног чемодан и жду, как вы понимаете, ареста. Пять часов ждал. Не дождался... До сих пор не знаю, кто был этот, в кожаной кепке, и вообще, что случилось: вариантов так много, что ломать голову нет никакого смысла. У меня был знакомый еврей-закройщик, уроженец Западной Белоруссии, я шил у него костюм. Так он, говорит, хотел писать «бумагу в Правительство» по поводу ширины брюк (тогда была мода на матросские клешы), а то, говорит, учат у нас где-нибудь «людей на шпионов», потом

отправляют куда-нибудь «у в Лондон с парашютом», и через десять минут после приземления их «берут»! Почему? — спрашивал и сам отвечал: «Бруки»! Вот и я мучаюсь: вдруг это не случайность, а он по «брукам» узнал во мне русского?

Взгляд. Во всем мире сейчас распространено стремление к загородному жителству. Помните четыре условия истинного счастья, которые приводит Моруга, цитируя Камю, который, в свою очередь, процитировал Эдгара По? Возможно, ошибусь в порядке перечисления, но не это важно. Первое: жить на природе! Второе: чтобы тебя любили (не ты, а именно тебя, вот ведь как интересно повернуто)! Третье: заниматься каким-либо творчеством! И четвертое, которое, по-моему, совершенно недостижимо при наличии «третьего»: отказ от честолюбивых помыслов (а зачем тогда заниматься творчеством, позвольте спросить?)! В этом смысле мне больше импонирует интервью князя Голицына (того самого, который безвыездно жил в Крыму). Он наладил, как вы, наверное, знаете или слышали, производство шампанского «Новый свет», регулярно получавшего в Париже на конкурсе вин «гран-при», а сам ходил в простом армяке, подпоясанном веревкой, в сапогах и татарской папахе и поселился в обыкновенном глинобитном домике. Так вот, к нему в Судак однажды явились журналисты брать интервью после очередного «гран-при», и некий иностранец спросил: «Скажите, князь, в каких отношениях вы находитесь с царем?» — На что Голицын будто бы ответил: «Слава богу, царю покуда не удалось унижить меня почестями и наградами!» Каково сказано: унижить, понимаете ли, почестями и наградами!

Д Ж Е Й М С Д О Н О В А Н:

П р и л о ж е н и е № 5 (из книги «Люди на мосту», окончание). Полковник А. отверг услуги одного адвоката, потому что ему, с точки зрения полковника, «не хватало профессионального достоинства, он выглядел неряшливо, у него была грязь под ногтями». Вероятно, такой человек больше подходил А. как помощник по работе, но не как защитник в суде.

Легенда полковника была такая: он по профессии учитель, его отец умер, мать родом из Саратова, сам он жил в Москве у Никитских ворот, окончил институт, потом нашел крупную сумму денег в царской валюте — в разрушенном доме где-то в Саратовской губернии, на родине матери. Перебрался в Данию и купил там фальшивый американский паспорт, с которым приехал в США; этот паспорт нашли у него при аресте.

А. так умел слушать, что можно было подумать, будто именно благодаря этому качеству он сделал карьеру. Когда он расстраивался, он клал сигарету, так как она могла привлечь внимание к его нервному состоянию.

Полковник был увлекательным, будящим мысль собеседника человеком. Он обладал интеллектуальной честностью, с которой подходил к решению любого вопроса, имел весьма широкие знания по проблемам искусства и установившиеся взгляды в этой области.

Дисциплина была краеугольным камнем его философии, поэтому А. положительно отзывался о немцах, сторонниках дисциплины. К выполнению своих обязанностей он относился с интересом и упорно старался делать все, за что брался, хорошо. Это, конечно, всегда было сильной его стороной. Кроме того, А. был страстным любителем спорта и «доджеров»: на тюремном дворе, будучи 56-летним человеком, полковник учился играть в «бочки», что свидетельствовало о незаходящей разносторонности его интересов.

Полковник обладал сверхъестественной способностью примиряться с обстановкой и событиями, а также уделять внимание самым различным мелочам, даже находясь в тюрьме, где он, по-видимому, испытывал ряд существенных неудобств и, кроме того, переживал горечь и разочарование. На что мог рассчитывать А., вернувшись в результате пока очень призрачного обмена в свою страну? Посчитают ли его там благонадежным?

«Я заметил, — сказал мне А., — что у людей, привыкших действовать методами насилия, эмоциональное возбуждение утоляется при помощи физической нагрузки».

По инструкции заключенным не разрешено читать в тюрьмах литературу, которая может снова толкнуть их на преступную деятельность. Полковнику А. запретили читать шпионские детективы.

Завещание полковника А., составленное до оглашения приговора: «В случае моей смерти в тюрьме тело кремировать, а урну с пеплом и все имущество передать семье».

Вынесение приговора заняло по процедуре всего шестнадцать минут: «Соединенные Штаты Америки против А. ...» В этот момент холодное самообладание полковника показалось мне невыносимым. Его приговорили к тридцати годам заключения. Для человека, получившего такой срок, А. обладал поразительным спокойствием профессионала. В США он, конечно же, был бы незаурядным политическим деятелем первой величины.

Когда происходил обмен, было раннее утро и улицы Берлина были безлюдны. Глинеке-брюкке: темно-зеленый стальной пролет, уходящий с территории Западного Берлина к Восточному. За озером Потсдам, справа на холме, вырисовывался в тумане силуэт старинного замка. По обе стороны озера я видел густые

лесопарки. Все совершилось на мосту, который в последний год и месяц войны был прозван солдатами «Мостом свободы». Вот уж воистину!

Подполковник Х., предавший своего резидента, через некоторое время погиб в результате таинственной автомобильной катастрофы на Пенсильванском шоссе.

«Я мог бы много лет быть заключенным, — сказал мне полковник А. после вынесения приговора, — но ни минуты не мог бы работать надзирателем. Нужно быть лишенным воображения человеком, чтобы пасти других людей, как стадо».

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

К а ч е с т в а. Наживать личных врагов разведчику никак невозможно: у врага пристальный взгляд. Я только так и оцениваю: друг или враг? Случайное знакомство или не случайное? И даже случайное беру под подозрение, боясь подвоха, а в конечном итоге — провала. И не люблю молчаливых людей, обычно сидящих в углу. Молчаливые наблюдательны; хотя их мало, но уж если человек наблюдателен, он обладает способностью складывать отдельные черточки в картину, а нам, разведчикам, это ни к чему. Как от огня, я всегда бегал от тех, чьи взгляды на жизнь оценивал, как близкие моим. Судите сами: если я их «оценил», они могли «оценить» меня. И еще: принципиально ни с кем никогда не ссорился, я имею в виду — там. Уходил в сторону. Если кто-то очень не нравился, кроме «хелло» и «гуд бай», он от меня ничего не слышал, а вместо того, чтобы при случае послать его ко всем чертям, говорил с неизменной улыбкой: «Извините, сэр, я очень тороплюсь!» Думаете, легко давалась такая жизнь да при моем характере?

Б ы т. «Женский вопрос» лишь условно можно отнести к «быту» разведчика: это не быт, а, я бы сказал, условия его деятельности, некоторым образом затрагивающие личную жизнь. Вообще-то дело хоть и щепетильное, но естественное: разведчик живет за границей не один год (я двенадцать прожил), а если он не старик? Ситуация не из простых, потому что возникают разные «но». Во-первых (если это не «во-вторых»), у многих дома остались жены: вопрос приобретает, таким образом, нравственную окраску. Во-вторых (если это не «во-первых»), Центр очень опасается прочных связей разведчика: любовь, как известно, вытягивает из человека самые страшные тайны, и, если заграничная партнерша разведчика не его жена, дело принимает опасный поворот. Однако, в-третьих, если он, живя в обличье художника, шофера, журналиста, бизнесмена и так далее, вообще не будет иметь никаких отношений с женщинами, его окружение воспримет этот факт как вызывающий или, по крайней мере, странный: не «голубой» ли и прочие вопросы та-

кого рода. Вот и выделится человек из толпы, чего ему категорически делать нельзя! Стало быть, надо проплыть между Сциллой и Харибдой и чтобы были «отношения», но такие, будто их нет. А как это осуществить? Хотите знать, какой тут возможен выход из положения? Вы мне напомните, в следующий раз доскажу...

Психология. Бич для бизнесмена — налоги, буквально пожирающие прибыль. Особенно противно платить их было мне, имеющему бизнес в виде прикрытия: основной капитал был, как говорится, кровный, рабоче-крестьянский, прибыль делал я, а не какой-то умный «дядя», а налог приходилось платить чужому государству! Спрашивается: где справедливость?

Мой бывший партнер по фирме, с которым, расставшись, мы сохранили хорошие отношения, любил тяжелые и шикарные машины. И вот как-то своим мощным «ягуаром» он покорежил чей-то легонький «фиат», заплатил большой штраф и был лишен водительского удостоверения. Тогда он подал в суд на дорожную полицию (вроде нашей ГАИ), а меня попросил быть в суде свидетелем. Я согласился. Потом произошла такая исполненная для меня двойного смысла процедура. Положив левую (или правую?) руку на Библию, а другую подняв вверх, я торжественно произнес: «Я, Гордон Лонгсдейл, клянусь говорить правду, только правду, одну только правду!», в то время, когда ни Гордоном, ни Лонгсдейлом я в действительности не был, — какую еще «правду» можно было от меня ожидать?

После этого случая я задумался: в каком соотношении находится у разведчика искусство лжи и его интеллектуальная честность? Впрочем, лучше сказать не «ложь», которой меня не обучали, а «легенда» — канва, по которой я построил представление о самом себе: вспоминал детство, что-то в нем переиначивая. Ложь? Да нет, это работала моя фантазия во имя маскировки. Творческий подход к биографии, который не мешал мне оставаться самим собой, потому что мои вкусы, характер, психология, моя «личина» вылезали на поверхность, ибо все это оставалось во мне, было ярко выражено и не вытравлялось никакими легендами.

«Крыша». С детства я был приучен: если что-то делать, то «по-большому», как озаглавила статью одна московская газета в пору моей комсомольской юности. Бизнес, так бизнес. Халтурить я не умел, тем более была мысль: чем больше я разбогатею, тем лучше будет Центру. И я богател. Мои автоматы не были примитивными. Кстати, вас не шокирует то обстоятельство, что я употреблял местоимение «мои», говоря о фирмах, автоматах и миллионах фунтов стерлингов? Хотя они такие же «мои», как и «ваши»: советские. Правда, иногда, входя в роль, я ловил себя на том, что фирмы, на которые мне, собственно говоря,

было плевать, как усыновленные чужие дети, становились мне дороги, и я по-настоящему спорил, торговался, тратил силы, добываясь их благополучия. Это двойное существование меня самого частенько пугало...

В Е Д У Щ И Й:

С ю ж е т. Собственно говоря, сюжетная линия исчерпана: ваш герой попадает по заданию Центра в Англию, становится крупным бизнесменом и резидентом, и начинается «другая жизнь» с другими сюжетными разветвлениями.

А В Т О Р:

С у д ь б а (эпизод из беседы). Более всего меня интересовала не «захватывающая дух» детективная сторона деятельности Гордона Лонгсдейла, а его психология, быт, работа, отношения с окружающими людьми. И вот однажды я задал простой, как мне казалось, вопрос: «Конон Трофимович, у вас там были друзья?» «В каком смысле? Помощники?» «Нет, — сказал я, — именно друзья, причем иностранцы, в обществе которых вы могли бы расслабиться, забыть, кто вы есть, и позволить себе отдохнуть душой?» (Замечу в скобках, что наши беседы не обязательно строились на вопросах, заранее мною сформулированных, и, стало быть, на ответах, заранее Лонгсдейлом подготовленных, что вообще-то было и разумно, и плодотворно: нам была позволена импровизация, правда, под контролем неизменно вежливого Ведущего, который, как расшалившимся детям, мог нам сказать: «Куда-куда, дорогие мои!» — и погрозить пальцем; все вокруг мило улыбались, так что обид с моей стороны, как и недовольства со стороны Конона Трофимовича, не было.) На сей раз я и спросил о том, что не успел вставить в «вопросник», порциями посылаемый Ведущему для передачи моему герою.

Чуть смутившись, Лонгсдейл переглянулся с шефом, тот подумал и благосклонно кивнул головой. Конон Трофимович начал было: «В Лондоне я искренне, по-сыновьи, привязался к одной пожилой чете...», — но тут его остановил Ведущий, всего лишь приподняв над столом ладонь: «Может, лучше начать не с Ключе, а, например, с канадского деятеля — для более точного фона? А?» Лонгсдейл понимающе улыбнулся и сказал: «Ну что ж, пусть будет так. По дороге из Парижа в Лондон я встретил в Кале небольшую канадскую профсоюзную делегацию, направлявшуюся на съезд тред-юнионов. Они затащили меня, пока не было пароходика, в бар; я заплатил за один круг, потом каждый из них за свои круги, так у них принято пить пиво. Впрочем, не «у них», а «у нас», поскольку я ведь тоже «канадец». Слово за слово. Разговорились и обменялись с главой делегации телефонами. Я, конечно, на ходу со-

чинил цифры. Беседуем дальше, и он употребляет несколько специфических выражений типа «американская политика канонерок», «выкручивание рук по-вашингтонски», «наведение против России мостов», что свидетельствует о его левых настроениях или, по крайней мере, о том, что он читает левую прессу. Ты что, говорю, занимаешься политикой? Он гордо отвечает: да, я коммунист! Наконец-то, думаю, мне встретился истинно порядочный человек, однако номер телефона я все же исправлять не стал...» «Вот так-то!» — добавил Ведущий, а затем на этом «точном фоне» прозвучал следующий рассказ Лонгсдейла:

«Как я уже сказал, мне посчастливилось подружиться в Лондоне с пожилой четой, немцами по происхождению; их фамилия Ключе, фамилию в вашей повести пока упоминать не стоит, напишите просто «К», у нас у всех душа болит, когда мы вспоминаем о них... Старики жили в пригороде Лондона на собственной и очаровательной вилле. Я бывал у них обычно в праздники, например, в сочельник, а иногда проводил с ними уик-энд. В эти блаженные часы голова моя совершенно освобождалась от рабочих и тягостных мыслей, а сам я от напряжения. Не будь у меня милых Ключе, я, наверное, много тяжелее переносил бы стрессы и перегрузки. Одно угнетает меня сегодня... — Лонгсдейл сделал паузу, вновь посмотрел на Ведущего, и тот, подумав, благосклонно опустил веки. — Меня и всех нас угнетает, — продолжил Конон Трофимович, — их нынешнее положение. Дело в том, что однажды, попав в сложную ситуацию, я был вынужден немедленно и надежно спрятать отработанный код. Не уничтожить его, а именно спрятать. Я не придумал ничего иного, как заложить его в ножку торшера, только что купленного мною в подарок мадам Ключе в честь ее семидесятилетия. А когда через неделю меня арестовали, я уже не имел возможности вынуть код из подарка. Между тем о моей привязанности к старикам Ключе «они», вероятно, знали и во время обыска на вилле обнаружили в торшере злополучный код. Ни я, ни все мы уже ничего не могли сделать для моих бедных друзей, хотя я и доказывал всеми силами их абсолютную непричастность к моим делам. Их все же провели по уголовному делу как соучастников и приговорили каждого к семнадцати годам тюрьмы! До сих пор казню себя за неосторожность, приведшую к столь трагическим последствиям, и успокою свою совесть лишь после того, как невинные старики досрочно окажутся на свободе».

Лонгсдейл умолк, больше мы о Ключе ни разу не говорили, однако печальная их история имеет продолжение. Когда Конона Трофимовича уже не было в живых (он умер через полгода после нашей последней встречи, в возрасте сорока шести лет, в подмосковном лесу, где с женой и дочерью собирал грибы: нагнулся и тут же умер от обширного инфаркта, разорвавшего сердце), я случайно узнал из газет, что молодого английского учителя, осужденного у нас за шпионаж в пользу Англии, об-

меняли на стариков Ключе, которые признались на суде в том, что были радистами сэра Лонгсдейла весь период его деятельности в Великобритании. Но это еще не все, круг еще не замкнулся.

В самолете, которым возвращался домой благополучно обмененный на Ключе учитель-шпион, по странному стечению обстоятельств летел командированный в Лондон журналом «Юность» писатель Анатолий Кузнецов. Он попросил в Англии политическое убежище, превратился в «Анатоля» и напечатал «открытое письмо» своим бывшим коллегам-писателям, в котором был изложен такой факт. Сходя в Лондонском аэропорту с самолета, Кузнецов увидел вдруг, что к его трапу несет большая группа журналистов с кинокамерами и протянутыми вперед микрофонами. Он похолодел от испуга, решив, что они к нему, хотя о том, что он станет невозвращенцем, Кузнецов даже сам себе боялся признаться раньше времени. Однако, когда он понял, что все взоры, камеры, микрофоны и интерес направлены мимо него — к английскому учителю, об истории которого он вообще ничего не знал, взяло ретивое, и он неосторожно сказал какому-то журналисту, придерживав его за полу пиджака: «Меня, меня фотографируйте! Будете первым! Потом хватитесь, ан поздно!»

Теперь круг замкнулся.

Р а б о т а. Поощрения у разведчиков примерно такие же, как у всех советских служащих, — благодарности с занесением в трудовую книжку, грамоты, денежные премии, ценные подарки, ордена и плюс то, что нам, обыкновенным совслужащим, можно сказать, не снилось: именное оружие, которое, правда, пряталось в бездонные сейфы «Пятого». А иногда разведчику сообщали по радио (как замирало его сердце, когда он ночью расшифровывал текст!), что сам Председатель знает, какое он выполняет задание, чем занимается, и его благодарит — выше этой похвалы ничего не было. Однако было и такое, что разведчикам тоже «не снилось»: о них не писали в открытой печати, их имен и фамилий, в отличие от космонавтов и тружеников полей, не знал народ, они «проходили», как «безымянные герои», их иногда даже хоронили под чужими фамилиями. Это про них в пролетарском марше: «Вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах...»

А воздавалось им по заслугам на сверхсекретных совещаниях, и то не всегда и не всем, и еще, бывало, в надгробных речах, если они легально уходили в «вечные нелегалы» — туда, откуда обменов нет. Говоря обо всем об этом, положим, мне, они не жаловались, а констатировали факт. «Мне очень хотелось бы, — написал в своей автобиографии полковник А., — чтобы наша молодежь воспитала в себе высокое чувство собственного достоинства, патриотизма и безграничной веры в правоту того дела, за которое боролись их отцы». А Конона Трофимовича, кста-

ти сказать, во всей этой «закрытости» трогало за живое только одно: дети разведчиков не могли прилюдно гордиться своими отцами. Остальное, сказал он, поверьте — трава!

Продвигаясь по службе, Лонгсдейл фактически стоял на месте или, если угодно, стоя на месте, он фактически регулярно получал повышения; все зависело от того, что полагать его «службой» — работу в качестве разведчика или владение сначала одной, а потом и четырьмя фирмами да еще многомиллионным капиталом. Три последних года он имел звание полковника. Форму не надевал никогда в жизни. В сейфе у «Пятого» лежали его боевые ордена; я имею право называть их «боевыми»? — обратился он к Ведущему с легкой усмешкой, и тот молча и серьезно опустил верхние веки: да. Конон Трофимович однажды сказал мне: «Когда я умру, ордена не понесут за мной на подушечках, знаете, почему? Потому, что я такой же «полковник» и «орденоносец», каким «поручиком» был небезызвестный Кижэ: я есть, но в то же время меня — нет!»

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Провал. Самоконтроль у разведчика должен быть все двадцать четыре часа в сутки. Особенно если живешь в отеле. Я, например, никак не мог привыкнуть к мытью «по-английски», я бы даже сказал, пусть англичане на меня не обижаются, а бог меня простит, по-свински, когда пробкой затыкают в раковине слив, наливают воду и плещутся в ней, будто поросята в корыте. Мы, русские, с точки зрения иностранцев, вероятно, слишком щедро, а потому глупо моемся под струей из крана! Но я всегда держал себя под таким контролем, что, даже живя в номере один, запираю все двери, проверяю запоры, чтобы, не дай бог, не заглянул случайно служитель гостиницы или посторонний, и лишь тогда пускал со всей российской щедростью роскошную струю и наслаждался.

Работа. Истинная драматургия нашей работы заключена не в таинственной атрибутике, а в чрезвычайно опасной сути всей нашей деятельности за границей, поскольку все мы знаем, что если провал, пощады нам не будет. Когда ночью, во сне, кто-нибудь обращался ко мне по-русски, я просыпался в холодном поту — это ли не драматургия? Когда же я выходил на связь со своим помощником, то вел себя в его обществе просто и естественно, как только и могут вести самые обыкновенные и нормальные люди. Кажется, Фучику принадлежат слова, которые можно отнести и к людям моей профессии: «Герои пролетариата простые и обычные. Их героизм заключается лишь в том, что они делают все, что нужно делать в решительный момент».

Быт. Отпуск я получал, как все английские служащие: на две недели. Но проводил это время не «просто так», а ездил домой, к семье. Да-да, в Москву, что вы на меня смотрите круглыми глазами? Дело, конечно, не простое, но Центр на это шел, прекрасно понимая, что «чувство Родины», «чувство семьи» надо постоянно поддерживать у разведчика, он не может и не должен расставаться с этим чувством надолго. Как Антею, и ему надо было время от времени прикасаться к источнику своей силы — к родной земле. Скажите: я, будучи миллионером, мог позволить себе на собственной морской яхте «Альбатрос» уйти на пару недель в море с хорошим матросом, который, как вам нетрудно догадаться, был моим верным помощником? Где-то в нейтральных водах я мог пересечь на «попутную» подводную лодку, не имеющую опознавательных знаков? Мог через двое суток вынырнуть (в прямом смысле этого слова) где-то возле Одессы или Ленинграда? И надеюсь, вы не станете отрицать, что оттуда до площади Восстания в Москве рукой подать? И вот я дома. Не узнаю жену, потому что она перекрасилась, да так, что вся Москва становится рыжей. Мои домашние уверены, что я приезжаю скорым «Россия» прямо из Пекина, а через десять дней обратно в Пекин полечу прямым рейсом на ИЛ-18 с тремя посадками: в Свердловске, Чите и Хабаровске.

Впрочем, бывали у меня ситуации посложнее. Несколько раз дела фирмы буквально выталкивали меня, как человека предприимчивого, в составе британской торговой делегации на переговоры в Москву. Ночью я позволял себе выйти на полчаса из «Метрополя» и погулять по городу, подойти к своему дому, поглядеть на него, облизываясь, и вдруг схватиться рукой за сердце, когда вспыхивал свет в детской комнате: это Галя высаживала на горшок нашего маленького, названного в честь деда Трофимом и родившегося в мое отсутствие. Только вы не подумайте, что Центр столь всемогущ, что может обеспечить нашим женам непорочное зачатие; потом, когда я вновь побывал дома, Трошка в честь моего приезда «из Пекина» пошел!.. При моей профессии и жена моя — одиночка, и дети — одиночки. Вот и сейчас: она сажает Трофима на горшок, а я снизу смотрю голодными глазами на светящееся окно в «детской» и профессиональным чутьем угадываю — такое вовсе не исключено, давайте будем реалистами — еще одну пару глаз, за мной следящую: они хоть и «свои», эти глаза, но при этом «чужие», и я понимаю, сколько хлопот может доставить владельцу глаз этот странный и непоседливый член торговой делегации.

К а ч е с т в а. Одно дело, если удастся вдруг завербовать известного спортсмена (впрочем, к какой секретной информации по своей профессии он может иметь доступ: к технике прыжка в высоту или к «защите Нимцовича-Тарраша?»), и другое дело, если сам разведчик неплохой

спортсмен. Как ему быть? Дать волю таланту? Я, например, играл в шахматы — средне по нашим масштабам, но очень даже прилично по тогдашним английским. Чесал всех коллег-бизнесменов, и это могло кому-нибудь показаться подозрительным: почему я не играю в клубе и не участвую в соревнованиях? А мне «высовываться» нельзя, — разве кому-нибудь объяснишь? Тогда скрепя сердце поубавил прыти, стал, как все, «зевать» пешки, хотя душа бунтовала. В конечном итоге перешел от греха подальше на японские шахматы (типа нард), играл с одним японцем-миллионером, обыграл его, он чуть не сделал себе хакариги. Есть среди нас, разведчиков, несостоявшиеся теннисисты, хирурги, певцы, танцоры, математики, пианисты, даже один боксер, потенциальный чемпион мира, но не все могут, как литераторы, под псевдонимами реализовывать свои способности. В общем, все это довольно трагично, если учесть, что человек живет не две жизни, а одну, и такую короткую.

Психология. Цель оправдывает средства — можно подумать, что это главный принцип разведки. Мне он претил, как, к слову сказать, и бизнес, которым я занимался: никак не мог привыкнуть к тому, что подлость во имя денег — норма, что если ты нарушил закон — ты дурак и преступник, а если закон обошел — умный и порядочный человек. Однако, к сожалению, с волками жить... как инфекция, кланюсь вам, ничего не стоит заразиться. Чужой стиль жизни в конечном итоге иными принимается не как вынужденная необходимость, а как необходимость приятная. Я тоже чувствовал, что меняюсь, начинаю «заболевать», и если бы не провал, а потом сидение в тюрьме и обмен, не знаю, в кого бы я выродился, несмотря на мою чистую, надеюсь думать, основу, несмотря на мое ясное и четкое мировоззрение. И все же я горжусь хотя бы тем, что подкуп и шантаж, как и прочие аналогичные средства, якобы оправданные святой целью, мною или вовсе не применялись, а если и бывали редкие случаи, то с отвращением: руки делали, душа протестовала.

Р а б о т а. Для получения в Канаде паспорта даже при наличии хорошо отработанной легенды и метрик, замечательно изготовленных нашими умельцами, нужен еще «гарант» — человек, подпись которого имеется в мэрии и который может официально заявить, что хорошо знает соискателя не менее двух последних лет. Обычно гарантами выступают уважаемые в городе люди: врачи, бизнесмены, адвокаты, хоккеисты, — ну, а как мне заполучить гаранта? Центр предложил однажды испытанный ход: еще в Москве мне высверливают в зубах несколько дырок (процедура, прямо скажу, не из приятных, один бормашинный звук чего стоит!), и вот я в Ванкувере. Начинаю, как и положено разведчику, с изучения обстановки, города, его достопримечательностей, горожан, историй — во-первых, в надежде «легендировать» что-нибудь из увиден-

ного или узанного, то есть органично включить в мою легенду, и, во-вторых, на случай, если потребуется срочно уходить. Разумеется, изучая не только по энциклопедии, фотографиям, картам и телефонным справочникам, а еще собственными ногами и в личном общении. Вот так и «выхожу» на доктора Вайсмана — превосходного стоматолога, обязательного старика и «знающего человека», если переводить его фамилию на русский язык, не помните: «Их вайс нихт, вас золь эс бедойтен?», затем предъявляю ему свои «московские» дырки. В итоге: кто из нас более «знающий человек», если на третьей пломбе Вайсман становится моим гарантом, и я получаю настоящий канадский паспорт!

Психология. Иногда, страстно желая попасть хоть на сутки домой, мы придумываем нечто, из-за чего Центр вынужден вызывать нас в Москву, и мы, конечно, летим на всех парусах, рискуя получить от «Первого» нахлобучку. Впрочем, степень доверия Центра разведчику полная и взаимная. Разведчик не может не доверять и не верить своему руководству: психологически и морально это важнее, чем доверие между супругами, без которого «нет жизни». И если, положим, «Первый», провозжая разведчика за кордон, обещает ему «в случае чего» похоронить его дома, тот может не сомневаться: как ни трудно, гроб с телом перекочует на родину и ляжет в землю где-то на Введенском или Ваганьковском кладбище. Но если у Центра появляется крохотное сомнение относительно поведения разведчика, он тут же и «без обид» проверяет его всеми доступными способами и может отозвать домой; но отзывает Центр по-умному, так, чтобы разведчик не заметил, что его подозревают, — на какое-нибудь важное совещание, и не одного, а несколько человек из разных стран, или для вручения награды. Подполковника Х., который был помощником нашего резидента в Америке, как вам известно, отзывали грубо...

Быт. Не помню кто, кажется, Сократ (или Сенека?), на вопрос молодого мужчины, обратившегося к мудрецу за советом, жениться ему или не жениться, ответил: «Как бы вы ни поступили, юноша, вы об этом горько пожалеете!» Моя точка зрения на «женскую проблему» в чем-то схожа: и без женщины разведчику никак нельзя, и с ней тоже невозможно! Один мой коллега, намучившись, поступил так. Во Францию из Англии приезжали по обмену на языковую практику молодые женщины, чаще всего студентки, это называется, если не ошибаюсь, «опэр» (на пару). Они были, как правило, из обеспеченных семей, а устраивались на работу в качестве гувернанток, официанток или секретарш в офис. Главное их достоинство, с точки зрения моего коллеги, заключалось в том, что пребывание их в стране ограничивалось трехмесячным сроком. С этими молодыми и прекрасными дамами он и появлялся на лю-

дах, очень скоро заработав почтенно звучащее в его кругу звание ловеласа, которое ни у кого не вызывало и не могло вызвать подозрений на его счет. Через три месяца: гуд бай, май дия гёл! Адью, сэр! И на память о замечательно проведенном времени невинный презент: то ли шубка, то ли колечко... Внешне, возможно, все это выглядит, с точки зрения пуритан, не очень нравственно, а что делать? Избранный моим коллегой вариант, право, наименее травматичен для всех «сторон»: прежде всего для молодой леди, которая за три пролетевших месяца не успевала привыкнуть к «сэру», стало быть, и для Центра, который мог быть спокоен за тайны, находящиеся в прямой зависимости от прочности отношений, и, наконец, для разведчика и его совести, поскольку отношения эти были добрыми, не строились на обмане или авансах, а были премилой «игрой», на которую охотно шли его партнерши и о которой он мог потом дома с улыбкой рассказать родной жене, хотя и не уверен, что жена с улыбкой воспринимала его рассказ... Конечно, бывали случаи, когда разведчик имел разрешение Центра на брак с иностранкой, женился, рожал детей и жил счастливой жизнью, но это было позволено только холостякам, кроме того, жена становилась тогда помощницей разведчика, утвержденной Центром и прошедшей перед утверждением все необходимые формальности.

Р а б о т а. Если агент ведет себя странно (например, после встречи с шефом какое-то время вдруг идет за ним), его немедленно начинают перепроверять, и пока Центр занят этим, деятельность резидентуры замедляется. Одним из способов перепроверки (далеко не единственным) может быть такой: агента срочно просят достать секретный документ, заполучить который он наверняка может, но который уже есть в Центре, о чем агент, естественно, не знает, и сверка двух документов «открывает глаза» на агента — чист он или уже перевербован? Впрочем, контрразведка тоже не лыком шита и кое в чем разбирается, и, чтобы не провалить своего (бывшего «моего») агента, может дать ему для передачи шефу не «липу», а истинный документ в надежде продлить игру в кошки-мышки. Стало быть, одним каким-нибудь способом перепроверка не делается: для того, чтобы исключить сомнения, которые в нашем деле — яд, Центр идет на «перекрестный вариант», о технологии которого говорить нет смысла, скажем, потому, что вам может быть скучно, начнете зевать.

Каждый раз, уходя после плановой встречи, резидент проверяется: следят за ним или нет, не мелькнет ли где-нибудь короткая вспышка блица (нынче, правда, уже без вспышек прекрасно фотографируют даже в темноте); опытный разведчик затылком чувствует слежку, у него чутье, как у собаки, но не идущей по следу, а, наоборот, за которой гонятся. «Ликвидация» агента — пошлый стереотип, навеянный обывате-

лю детективами. Лишать человека жизни, даже если есть уверенность, что его перевербовали, не только нельзя, особенно в мирное время, да и не нужно. Какой смысл? Мстить? Всего-то? Уверяю вас, низкое это дело и к реальности отношения не имеющее. «Своего» агента (я имею в виду перевербованного) наказывать, конечно, можно, но и без ликвидации вариантов достаточно, но иностранца, который работал, а потом, предположим, «одумался» — зачем? Лучше уйти, тихо свернув деятельность резидентуры, или сделать вид, что перевербовка не распознана, и работать дальше, ведя на этом новую «игру». Правда, если контрразведка тоже начнет «игру» на нашей «игре», разобраться, кто в такой ситуации волки, а кто зайцы, нелегко, как кому-нибудь может горяча показать!

Психология. Когда идет сложная операция, хирурги, говорят, теряют килограммы. И хоккеисты теряют, и бегуны на длинные дистанции, и актеры за спектакль... У нас тоже потери, но не в килограммах, а чаще душевные, психологические. Делаешь дело и внутренним взором видишь тонко очерченный меловой круг, переступать который по чисто нравственным причинам нельзя и не переступать — тоже нельзя! А вот как показать в кинофильме эту меловую черточку? Куда проще: бам-трах, та-та-та-та! После войны я больше ни разу не стрелял, не бил ножом, не бегал ни от кого и ни за кем, не скрежетали тормоза моей машины на крутых виражах, не приходилось мне ходить по карнизу на высоте тринадцатого этажа или прыгать на полном ходу с поезда, а не исправимые кинодеятели упорно «жалеают» романтики и погонь! У нас же, пока не арестуют, пока не наденут наручники — какая «романтика»? Весь период моего пребывания за границей, кроме бритвы (безопасной!), другого оружия у меня не было. Ни пистолетов, ни ядов, ни каких-то невероятных приемов дзюдо или каратэ, а самое главное — никакой во всем этом надобности!

Взгляд. Вот ситуация. Там все платят чеками, которые учитываются банками. Чековая система для контроля, поскольку банк, открывая бизнесмену счет, как бы контролирует (то есть дает возможность налоговым организациям проверять) все финансовые операции вкладчиков. Но иногда клиенты по каким-то «своим» причинам платят за покупки наличными, и вот тут-то и появляется возможность для разного рода комбинаций. Например, я, будучи полновластным хозяином фирмы, могу взять сам у себя через подставное лицо партию автоматов (положим, полсотни штук), а затем через то же лицо продать их за наличные деньги, которые банком не учитываются и не подлежат налогообложению. Покупателю я, разумеется, дам скидку, но это все же выгодней, чем платить с прибыли налог. Я внятно объяснил? В данной операции я действую

вую, как «чистый» бизнесмен, естественно стремящийся любыми способами обойти банк и на этом заработать. Но ведь лично я не просто бизнесмен, а еще разведчик. Мое положение много сложнее, поскольку я нахожусь как бы под двойным «гнетом»: со стороны банка и финансовых ведомств Англии и, кроме того, со стороны бухгалтерии собственного родного Центра. Всю документацию мои клерки вели в двух экземплярах: один за моей подписью получали правительственные учреждения, а второй я тоже за своей подписью, но с переводом на микропленку, направлял в Центр. В одном месте по этой документации определялась сумма налога, и я был заинтересован в «плохом» отчете, чтобы уменьшить налог, а в другом месте судили о качестве моей работы, и тут я хотел отчитаться как можно лучше, чтобы не сказали: какой же ты бизнесмен, если даешь мало прибыли, улицы тебе подметать, а не владеть фирмами! Так вот, заверяю вас: если налоговое управление Англии я еще мог с большим трудом, но все же обдурить, то своего «министра финансов» — фигушки, извините, с маслом!

Л е г е н д а. Рассказывая кому-нибудь о своем «сиротстве» и о том, как утонули мои бедные папá и мамá, я совершенно искренне думал: на кого вы меня, несчастного, бросили! И «непрошенная» слеза выкатывалась из моего глаза.

П с и х о л о г и я. Считаю, что ни один человек не мыслит на иностранном языке, как бы совершенно им ни владел, а на родном, и тут же сам себе переводит. Больше того, мне кажется, что люди вообще мыслят не словами, а образами: видят внутренним взором какой-нибудь стол и лишь тогда называют его «столом» или вообще не формулируют, а просто знают, что это стол. Ошибочное мнение? Возможно. Другой бы спорил... Приехав домой после обмена, я первое время говорил по-английски: не мог привыкнуть к безопасности. А потом, когда перешел на родной язык, в моей речи невольно проскакивали английские слова и обороты, и я очень пугался: получалась какая-то невероятно сложная в психологическом отношении «конспирация наоборот»! Великая Отечественная длилась долгих четыре года, столько же я просидел в тюрьме в ожидании обмена, не очень-то на него надеясь. Четыре года, и ни слова по-русски, потому что официально меня принимали за поляка, хотя прекрасно знали, кто я на самом деле, но формальных доказательств у них не было. Поэтому я, «проходя» как польский разведчик, и обменивался через социалистическую Польшу: английского бизнесмена-шпиона Гревилла Винна наши отдали полякам, а уже те меняли его на «своего» разведчика, то есть на меня. Между прочим, полковника А. тоже меняли через ГДР.

Быт. Зарплату я получал в соответствии со своим званием и должностью; фактически ее получала жена, причем во Внешторге, за которым я для нее значился. Мне же давали так называемое «валютное обеспечение», присылая его с курьером. Как вы понимаете, это «обеспечение» с лихвой покрывалось доходами фирм, и я, таким образом, не был Центру в убыток. Что же касается «фирменных» заработков, то они были, по сути дела, не мои. А к прибыли я и вовсе не имел никакого отношения. Личные траты позволялись мне только для прикрытия и иногда для удовольствия. Все, что я тратил «на себя», затем шло в финансовый отчет Центру, и если там полагали траты лишними, их элементарно вычитали из моего заработка. Даже на такой рискованной работе нам не разрешали отождествлять карман собственный с государственным. Напомню: весь оборотный капитал и прибыль моих четырех фирм (миллионы фунтов стерлингов!), умножаемые каждый год не без моей помощи, были «социалистическим имуществом». Парадоксально, но факт.

Расходы из «валютного обеспечения» тоже согласовывались мною по сумме с Центром. Агенту-министру я платил иначе, чем агенту-клерку — это понятно. Впрочем, не только от должности помощников зависели мои траты, а в первую очередь от ценности предоставляемой ими информации. Кроме того, я всегда боялся, как бы «озолоченный» мною агент не спился, да и денег, откровенно говоря, было жалко. Поэтому, передавая помощнику сумму, предположим, на покупку автомашины, я часть ее временно удерживал, говоря: вот вам столько-то от договоренного, остальное потом, а машину покупайте в рассрочку! — ни физически, ни морально не мог доставить агенту, мною завербованному, такого удовольствия, чтобы он сел за руль собственной машины, полностью выкупленной! Тут во мне, вероятно, поднималось и клекотало классовое сознание.

А В Т О Р:

С ю ж е т. Уточняя предложенную мне Ведущим сюжетную схему повести о Лонгсдейле, я узнал такую прелюбопытную историю. В начале войны семнадцатилетний Конон Молодой был определен в диверсионную группу. Немецкий он знал, а парашютному и взрывному делу его научили за полторы недели. Осенью сорок первого года он уже закапывал парашют в землю где-то недалеко от города Гродно. Во время прыжка группа рассеялась и собраться не смогла. Оставшись один, Конон, ничего не успев взорвать, попал в облаву и, как личность подозрительная, был доставлен в городскую комендатуру. Аусвайс, наскоро сделанный на втором этаже знаменитого здания на Маросейке, где формировались «летучие» диверсионные группы, был столь откровенно липовым, что юноша понимал: это конец. Но случилось невероятное.

Его ввели в кабинет, в котором под портретом фюрера за огромным столом сидел в массивном кресле немецкий полковник-абверовец и поглаживал овчарку, коротким поводком привязанную к ручке кресла. При появлении арестованного полковник встал, бросил короткий взгляд на аусвайс (хорошо еще, что на удостоверении была фотография именно Конона Молодого, а не кого-то другого, что в спешке было возможно) и сказал: «Партизан?» Конон мотнул головой, как ученик в классе: «Не!» Он был в рваном ватнике и мял в руках шапку. Полковник очень внимательно посмотрел на юношу, будто желая запомнить на всю жизнь (этот невинный домысел я делаю, исходя из того, что мне известно о дальнейших событиях). Затем встал, подошел близко к Конону, взял его рукой за плечо, вывел на высокое крыльцо комендатуры, повернул к себе спиной и тяжелым кованым сапогом дал парню в зад, после чего безразлично кинул упавшему его липовый документ и, круто повернувшись, ушел. Жизнь Конона Молодого была неожиданно спасена, правда, ценой сломанного копчика, который часто болел, даже в тот день, наверное, когда Конон Трофимович, гуляя с женой в подмосковном лесу, нагнулся за последним в своей жизни грибом.

Сюжет, однако, на этом не кончается, это всего лишь его начало. Много лет спустя, уже после войны, превратившись в Гордона Лонгсдейла и получив в Ванкувере канадский паспорт, Конон Трофимович по заданию Центра выехал в Вашингтон для встречи со своим резидентом по США и Северной Америке, чтобы с ним, во-первых, познакомиться и, во-вторых, согласовать детали первой совместной операции. Встреча должна была состояться в парке для верховых прогулок, и вид прекрасно экипированных мужчин и женщин, элегантно восседавших на сказочно красивых лошадях, был таким безмятежным и мирным, что никак не способствовал воспоминаниям об ужасах минувшей войны и о давнишней истории в белорусском городе Гродно.

Итак, слегка постукивая по сапогу стеклом, Лонгсдейл свернул в боковую аллею и двинулся навстречу джентльмену, показавшемуся с другой ее стороны. Было точно указанное время. Несмотря на то, что наш век не каменный, а кибернетически-атомный, и людей, которым нужно обнаружить друг друга в толпе, могут снабдить, я думаю, какими-нибудь локаторами на компьютерной основе, техника взаимного обнаружения осталась у разведчиков на примитивном, но, как говорят, весьма гарантированном уровне минувших столетий. Так, сэр Гордон Лонгсдейл зажал сигарету в правом углу рта, а резидент, наоборот, в левом, и оба они, как было условлено, постукивали стеками свои левые сапоги, а в петлицы смокингов воткнули булавки — один с красной, другой с зеленой голловками. Ко всему прочему визуальные признаки «своего среди чужих» должны страховаться паролем, который состоит из довольно глупого вопроса и не менее идиотского ответа. Зато, если компьютеры могут сло-

маться и подвести, тут риск ошибиться практически исключен. Еще издали Лонгсдейл приподнял котелок, приветствуя приближающегося джентльмена, затем поднял глаза на его лицо и замер с окаменевшей физиономией: перед ним был немецкий полковник-абверовец, и как бы в доказательство того, что это был именно он, у Конона Молодого заныл копчик. А «абверовец», поняв, что его узнали, сосредоточился и, представьте, тоже открыл рот и временно его не закрывал (не зря он тогда в Гродно так внимательно вглядывался в лицо юного террориста!), а потом, явно в нарушение конспирации и вопреки оговоренным условиям, воскликнул: «Партизан?! Не может быть!» Лонгсдейл первым взял себя в руки и с философическим выражением на лице произнес слова парол: «Вам нравятся лошади-тяжеловозы, сэр?», — на что резидент почему-то с вызовом ответил: «Особенно к о б ы л ы, а вам?», — но тут же дисциплинированно исправился: «У меня на ферме два отличных тяжеловоза, сэр!»

Мне остается добавить к сказанному, что абверовцем в Гродно и одновременно резидентом по США и Северной Америке был не кто иной, как уже знакомый нам советский полковник А., он же «Варлам Афанасьевич» из свиты Лонгсдейла, и, наконец — да, вы совершенно правы, читатель, — Рудольф Иванович Абель; неисповедимы пути Господни...

Вот и теперь круг замкнулся.

К а ч е с т в а. Начинать эту историю надо издалека. В институте у Конона Молодого был товарищ, которого просто однокашником не назовешь: мало того, что они пять лет вместе проучились на китайском отделении, Жора (так звали товарища) был женат на лучшей подруге жены Конона Трофимовича, он, собственно, и познакомился с ней в доме у Молодых. Короче говоря, золотая студенческая пора молодых людей прошла в одной компании, знали они друг друга как облупленные, но после института пути их разошлись. Жора действительно работал во Внешторге, а где трудился Конон, он не догадывался, а думал, как и все другие, что командирован на несколько лет тем же Внешторгом в Китай.

Теперь перенесемся в Лондон, в тот туманный день, когда произошла история, о которой я хочу рассказать. В маленьком телемагазинчике на знаменитой Бейкер-стрит тихо переговаривался с продавцом чопорный англичанин средних лет, рядом с которым стояла, держа его под руку и мило к нему прильнув, молодая и красивая леди, явно иностранка: они выбрали телевизор, и леди сдержанно восклицала с акцентом, указывая пальчиком то на одну, то на другую модель: «Хи из уандефул, май лав!»

Интриговать дальше нет никакого смысла. Конечно, это был Гордон Лонгсдейл со своей деловой партнершей-француженкой, в подарок которой и делалась покупка. В тот момент, когда телевизор был выбран, и оставалось только сказать продавцу, чтобы его, как говорится, завернули и доставили к вечеру на пароходик, пересекающий Ла-Манш в направлении из Лондона в Кале, и покупатель уже принимал от продавца копию чека, зачем-то ему понадобившегося, вдруг раздался громкий и радостный по тональности крик: «Конон!»

Вот уж воистину, как пишут в детективных романах, «ни один мускул не дрогнул на его лице», имеется в виду лицо Лонгсдейла, который, чуть скосив глаза, увидел в дверях магазинчика Жору. Раскинув в стороны руки и счастливо улыбаясь во все свои тридцать два зуба (зуба мудрости у него, надо полагать, еще не было), Жора уже готов был заключить «Конона» в свои могучие объятия и троекратно по-русски, смачно расцеловать, но что-то его все же сдерживало. «Что-то!» Конон Трофимович не только «не видел» своего бывшего однокашника, но сделал вид, что даже не слышит его! Тогда Жора, приблизившись, заорал еще громче и радостней: «Конон, черт тебя побери!» — и, поскольку реакция была той же, положил свою ладонь на плечо Молодыя. Правда, на всякий случай положил осторожно, не треснул и уже совершенно нормальным голосом сконфуженно произнес: «Оглух, что ли?» Лонгсдейл снова не шевельнул мускулами лица, а плечом немного повел, будто ему жал пиджак в том самом месте, где лежала рука «незнакомца», и вынул плечо из-под его руки. Жора отважился еще на одну фразу: «Да это я, Жора!» — сказал он даже с некоторым возмущением в голосе. И тогда Молодой произнес на чистом английском: «Экскьюз ми, ай доунд ноу ю!» Жора попятился к выходу, не спуская с Конона Молодыя глаз и недоуменно бормоча: «Вот номер, ничего себе...» — а молодая француженка, не выдержав, звонко расхохоталась.

И вот, представьте, прошли годы, в том числе и те четыре, которые Лонгсдейл провел в тюрьме, Конон Трофимович уже дома, в квартире на площади Восстания, и приближается первый на воле Новый год, и жена решает устроить «великий сбор», приходит народ, и с ее лучшей подругой, как вы понимаете, Жора. Как ты? А как ты? Потом все садятся за стол провожать старый год, принесший в семью Молодыев такую радость: возвращение домой «блудного сына». Потом поднимается для тоста Жора и начинает с того, что сейчас расскажет забавную историю: был, мол, в трехдневной командировке в Англии, дело было лет пять назад, и вот в Лондоне пошел — куда ж еще! — на Бейкер-стрит, конечно, где жил знаменитый Шерлок Холмс, и там в каком-то маленьком магазине вдруг увидел, понимаешь, Конон, совершенно абсолютного твоего двойника, как в кошмарном сне, ну просто один к одному! Редчайший случай, товарищи! Даже «мушка» на правой щеке с такими же

двумя (или тремя?) волосками! Я ему: Конон, черт тебя подери! А он мне: экскюз ми, я вас, извините, не знаю... Так вот, мой тост в честь необъятных возможностей природы! За столом все внимательно и с интересом выслушали, поцокали языками, поудивлялись, одна Галя промолчала, потом выпили за природу и ее возможности, а Конон Трофимович вдруг спросил Жору: «Этот мой двойник был один?» «Нет,— сказал Жора,— с какой-то цыпочкой, такой, знаешь, красивой девицей, а что?» «А если бы,— продолжил при полном внимании стола Конон Трофимович,— ты шел бы в Москве по улице Горького и вдруг увидел меня с незнакомой тебе женщиной, тоже заорал бы: «Конон!»?» «Нет, конечно»,— сказал Жора. «А ты такое отчудил в Лондоне, хотя считаешься воспитанным человеком!» Жора смутился, все засмеялись, одна Галя не улыбнулась. Жора, возможно, до сих пор не понимает, кто был в Лондоне «двойником» Молодоя, но сатисфакцию Конон Трофимович получил.

В Е Д У Щ И Й:

С ю ж е т (продолжение). Ничего, что я вас задержал? Хочу сказать пару слов по секрету от вашего героя,— хотя какие могут быть от него секреты?— лучше выразиться: вам как бы для сведения. Дело в том, что так уж случилось в его жизни, что после обмена и возвращения домой Конон Трофимович был сначала допущен к преподавательской работе, которая, как вы можете догадываться, удел большинства скомпрометировавших себя за границей разведчиков, но чуть позже отстранен от нее и вообще от всех дел в нашем ведомстве. Нет, причиной был не провал, в котором Лонгсдейл не был повинен, а, по всей вероятности, он сам как личность. Двенадцать лет, проведенных там, да еще в роли миллионера-промышленника, не могли, по-видимому, не отразиться на его характере, я уж не говорю об остроте мысли и языка Конона Трофимовича, в чем вы сами изволили убедиться, за что тоже приходится платить.

— Мне будет разрешено назвать в повести его подлинное имя?

— Этот вопрос решится несколько позже и на более высоком уровне, вы пока работайте.

Ему очень многие в Комитете симпатизируют, ценя его профессиональный и человеческий талант. Какое-то время его, как и Рудольфа Ивановича Абеля, мы возили на встречи с разными коллективами, я, например, даже был на двух таких встречах — в ЦК ВЛКСМ и на ЗИЛе. Потом и они прекратились, так что «пенсионный покой» Конона Трофимовича уже ничто не нарушало, он мог отдыхать, живя на даче и собирая, положим, грибы.

Почему так случилось? Вот пример. На автозаводе ему показали сначала производство — водили по службам и цехам, а потом пригласи-

сили в зал, битком набитый молодыми рабочими. Конечно, бурные аплодисменты — авансом. А он, откровенно сказать вам, буквально потрясенный хаосом и низкой производительностью труда (конец шестидесятых годов, чем еще ЗИЛ мог перед ним похвастать?), вышел на трибуну и прямо так и сказал: какой же у вас, дорогие товарищи, бардак на заводе! Я бы такое, извините за выражение, и дня не потерпел на моей фирме! Вот дайте мне ваш завод на один только год, я из него конфетку сделаю, наведу порядок и дисциплину, ну, разумеется, и рублем никого не обижу! Тут уж аплодисменты были не из вежливости, а по существу, честно им заработанные.

После этого случая тогдашний «Первый» сказал Конону Трофимовичу так: пора бы вам, коммунисту, избавляться от мелкособственнических замашек, а Конон возьми и перебей: почему «мелко»? «Крупно» собственнических! Мне, мол, нет нужды, как Леонидову, игравшему Отелло, настраиваться в антракте ревностью к Яго, чтобы потом получилось на сцене, как «взаправду»: я действительно ревную! Я, как истинный коммунист, хочу, чтобы наша промышленность и экономика... Но «Первый» такие речи не любил, а потому, прервав его, сказал: и все же надо вам, Конон Трофимович, обойтись без чуждой нам психологии! А он: чуждой?! Меня всю жизнь как зайца учат зажигать спички, учили делать так, чтобы моему народу жилось хорошо, и вот теперь, когда я спички зажигать научился и кое в чем стал разбираться, вы говорите: чуждая психология, надо от нее избавляться!

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

О д н а ж д ы. Иду в Лондоне по улице. Киоск, и на видном месте «Правда»: портрет руководителя на всю страницу в траурной рамке. Взял газету. Не удержался. Хотя это было грубейшим нарушением дисциплины; надеюсь, за давностью лет и в связи с добровольным признанием руководство меня ругать не будет. Зато в другой раз было иначе: дисциплина восторжествовала и, кажется, вопреки логике. Дело было так. Я выехал в Цюрих на встречу с курьером-связником. Ехал через Париж (там у меня тоже было маленькое дельце) и был рад, что хоть на три дня вырвался из Лондона. Чувствовал себя отвратительно. В Англии в период туманов многие так себя чувствуют: простужаются, чихают, кашляют, почему-то глотают таблетки рыбьего жира. Я вообще плохо привыкал к тяжелому лондонскому климату, годы проходили — так и не привык, и в этот раз чихал, температура была не меньше 38°, всю грудь заложило, ел антибиотики... Ладно.

И вот наконец шагаю вечером по Парижу где-то в районе бульвара Капуцинов и — дышу! Вижу — кинотеатр, на афише «Падение Берлина» (производство «Мосфильм»), тоска взяла: острое желание посмотреть, — но разве можно? Иду дальше в отель, и вдруг вижу: господа, Джони!

Топают мимо кинотеатра, тоже поглядывают на афишу — мой связник, с которым завтра у меня в шестнадцать часов встреча в Цюрихе! Ну, мы, конечно, остановились: когда из дома? — Ты осунулся. — Небось, уже тает? — Весна! Что ж ты осенью в самые туманы будешь делать в этом Альбионе, так его эдак! — Перебьюсь. О моих ничего не слышал? — Вроде нормально. — Это видел? В главной роли Борис Андреев, который, помнишь, с Ваней Курским?.. Короче, сплошной «вечер вопросов и ответов». А закончили так: ну, завтра увидимся! И распрощались до Цюриха. Я подумал было, зачем этот формализм: ехать в Цюрих, брать в левую руку «Плейбой», надевать синий галстук в белый горошек, если можно все сделать сейчас, как говорится, не отходя от кассы (кинотеатра), тем более: он знает меня, я знаю его, он специально едет ко мне из Москвы, я специально еду к нему из Лондона, и уж если случилось, что мы встретились в Париже, почему бы не так: я — ему контейнер с информацией, он — мне контейнер с инструкциями Центра, всего одно рукопожатие? Но нет, мы распрощались и разошлись: он — не знаю куда, я — в гостиницу, чтобы следующим утром выехать на встречу со связным в Цюрих: дисциплина!

Пр о в а л. Был у меня в Лондоне знакомый художник-модернист, который, как он сам говорил, «марал холсты» и при этом очень бедствовал. Его истинным несчастьем были скверные зубы: просто не на что было лечить. И я однажды по простоте душевной сунул ему в карман пятнадцать фунтов (всего-то!), чтобы он пошел к стоматологу и вылечил особенно болевший зуб. Я сделал явное «не то»: поступил как «простой советский человек», а этого допускать не следовало, потому что он не столько был мне благодарен, сколько удивлен — вот такие глаза! Если бы, предложив ему пятнадцать фунтов стерлингов, я взял с него расписку и еще проценты, он бы ничего не заподозрил, а тут спросил: ты действительно канадец?

О д н а ж д ы. Мне дают явку в одном европейском городе, я приезжаю туда, ищу нужное кафе, сажусь за столик, за которым уже сидит связник, и говорю пароль: «Самсон не такой плохой писатель, вы не находите?» Он лупит на меня глаза, произносит ответ, затем передает то, во имя чего мы встречаемся, и уходит. Через год, увидев меня в Москве, говорит: ты хоть помнишь, какой пароль сказал в том городе, в кафе? При чем тут «Самсон»? Сименон, мать твою! Мы знали друг друга в лицо, это меня выручило, другой бы ни за что не передал мне контейнер. Кроме прочего, связник был порядочным человеком, не доложил об инциденте Центру, хотя обязан был это сделать; так я избежал хорошей головомойки.

О д н а ж д ы. В Лондоне, на улице, я нос к носу сталкиваюсь с директором моего института, а я был там членом парткома, мы часто ссорились, он вечно стучался об меня, как о камень. Кстати, узнал я директора в Лондоне, как и всех русских узнавал за границей, по заду, прошу простить за натурализм, но, как говорится, из песни слова не выбросишь. Он, между прочим, видит, что я одет не как посольские работники, и, умница, отвернулся! Впрочем, может, ему просто противно было со мной разговаривать, если он вспомнил, как мы ругались: еще не хватает, мол, в Лондоне об этого типа (об меня, значит) стучаться! И так случилось, что буквально месяца через два встречаемся уже в Москве, и вновь на улице, и опять нос к носу, — надо же! Я был в Москве в составе британской торговой делегации. Говорю директору: здравствуйте! Нет, не так говорю, а так: здра-а-а-а-встуйте! И он мне в той же развязной тональности: здра-а-а-встуйте! Ну-с, где работаем? Во Вьетнаме, отвечаю я, не моргнув глазом. Что-то слабо загорели, а там солнце. У меня, говорю, гипертония, загорать врачи не рекомендуют, я больше в тени. Оно и видно, говорит директор, ну-ну!

А В Т О Р:

С ю ж е т (окончание). Его ордена вопреки предсказанию не остались в сейфе у «Пятого», их несли на подушечках друзья и боевые товарищи Конона Трофимовича, хотя факт этот мало что меняет в печальной сути дела. На похоронах было много народа, гроб с телом выставили в фойе клуба Дзержинского. За несколько дней до смерти, словно чувствуя ее приближение, Конон сказал жене в минуту редкого для разведчика откровения: «Знаешь, Галя, если бы мне сейчас дали задание и документы, я, несмотря на все пережитое, опять поехал бы в какую-нибудь страну, но с моих пальцев, Галя, т а м уже взяли отпечатки...»

Он был долгом и сердцем прикован к делу, которому отдал сначала здоровье, а потом жизнь. Осталась память. И скромная могила на небольшом крематорском кладбище при Донском монастыре — это для тех, кто вдруг захочет положить на серую плиту букет полевых цветов, которые так любил мой герой.

...Если вы читаете эти строки, значит, мне разрешили публиковать повесть о Кононе Трофимовиче Молодые, а если не читаете, значит, пока не разрешили: не пришло еще время. Но придет?

Москва, 1984.

Валерий Абрамович АГРАНОВСКИЙ

ПРОФЕССИЯ: ИНОСТРАНЕЦ

Редактор В. В. Г л о т о в

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 28.10.88. Подписано к печати 19.12.88. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Учетно-изд. л. 4,21.
Тираж 150000 экз. Заказ № 3240. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

**Знаете ли Вы, что
вклад можно пополнить не только
наличными деньгами, но и
БЕЗНАЛИЧНЫМ ПУТЕМ?**

Для этого Вам нужно подать в бухгалтерию предприятия, организации или колхоза заявление о перечислении сумм из Ваших денежных доходов на счет по вкладу.

Вы можете перечислить во вклад суммы из денежных заработков, пенсии, единовременного вознаграждения за выслугу лет, страховые суммы, средства за проданную государству сельскохозяйственную продукцию, за предметы и вещи, реализованные через комиссионные магазины.

Правильно строить личный бюджет, целесообразно использовать доходы и экономить время

**Вам поможет
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР.**